ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й | № 67 (3990) | ЧЕТВЕРГ, 9 ИЮНЯ 1966 г. | ЦЕНА 4 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

* ИНТЕРВЬЮ НУЖДАЕТСЯ В ПРОДОЛЖЕНИИ (1 стр.)
* СПОР ИДЕТ — СТАТЬИ Н. АКИМОВА, А. БОЧАРОВА, Ю. ГЕРМАНА (2—3 стр.)
* *ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕЛЬЕТОН* (3 стр.)
* ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ (4 стр.)

ПРЕДВЫБОРНЫЕ СОБРАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

В обстановке всенародного политического и трудового подъема проходят в нашей стране встречи избирателей с кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР. На предвыборных собраниях в своих избирательных округах выступали товарищи Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. А. Кунаев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, В. Н. Пономарев.

Вчера в Москве в Большом театре состоялась встреча избирателей с кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Московскому городскому избирательному округу членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

Фоторепортер вернулся из очередной командировки. В его записной книжке — десятки географических названий, сотни имен. Отпечатаны снимки. В них запечатлены эпизоды нашей многообразной жизни.

«Фоторепортер путешествует» — так назвали мы новый отдел, в котором первым выступает Лев Шерстенников, побывавший недавно на Дальнем Востоке.

Лежит в Охотском море остров, тысячу шагов в длину и полтораста в ширину. С одной стороны — несколько доминов зверобоев, с другой — морские котики, многие тысячи. Каждое лето проводит на этом острове Константин Таев, один из тех, кто ведет промысел ценного зверя.

Рано утром от борта плавучего консервного завода «Александр Обухов» отходит на лов мотоботы.

ИНТЕРВЬЮ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Академик ВАСХНИЛ

В. Н. БОЛТИНСКИЙ:

УСПЕХ РЕШАЮТ СКОРОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ

Международная выставка «Современные сельскохозяйственные машины и оборудование», которая проходила на ВДНХ, — значительное событие в нашей жизни. Корреспондент «Литературной газеты» Г. Цитриняк встретился с председателем жюри выставки академиком ВАСХНИЛа В. Н. Болтинским и попросил его ответить на ряд вопросов.

— Чем отличается выставка сельскохозяйственных машин и оборудования от других средств информации?

— Выставки хороши тем, что дают, так сказать, материализованную информацию в виде машин, приспособлений, оборудования.

Так, конструкторы получили возможность увидеть разные варианты машин одного назначения, что называется, пощупать их своими руками. Тракторы, сельскохозяйственные машины, орудия, технология и организация связаны между собой. Поэтому специалисты, использующие сельскохозяйственную технику, также получили от выставки много полезных сведений.

Выставка дала и еще один ощутимый результат: только советская сторона заключила примерно на 180 млн. рублей контрактов на поставку сельскохозяйственной техники.

— Каковы, на ваш взгляд, главные направления в развитии сельскохозяйственной техники?

— Можно в общем виде отметить такие основные направления: увеличивается энергонасыщенность тракторов; повышается топливная экономичность тракторных двигателей; снижаются энергозатраты при выполнении машиной той или иной операции; улучшается агротехническое качество работы, повышаются компактность, маневренность, обтекаемость. Будут машины, в которых используются новые принципы, например, на выставке показаны конструкции с электронными устройствами.

— Созданы ли уже машины с применением электроники?

— В качестве примера можно назвать машины, где электроника используется при культивации, то есть для уничтожения сорных растений, или для сортировки зерна по цвету. Дело в том, что качество семян в какой-то мере отражается на их цвете. Именно по цвету можно отсортировать зерно. Ручной труд здесь возможен, но это сизифов труд. Да и никогда человек не отберет семена с той точностью, с какой это может сделать машина.

— Скорость и производительность труда в сельском хозяйстве. Как они связаны?

— Технический прогресс во всех без исключения отраслях техники развивается по линии повышения скорости производственных процессов. Повышаются скорости движения на транспорте, скорости плавок — в металлургии, скорости реакций — в химии. Главная цель при этом — повышение производительности труда. Сельскохозяйственная техника не может быть исключением. Например, повышение скорости машинно-тракторных агрегатов с 5—9 км в час до 9—15 позволит повысить производительность в 1,5—2 раза. Такой результат получен при широких производственных испытаниях. Поэтому Директивы XXIII съезда партии предусматривают к концу пятилетия широкое внедрение в сельское хозяйство тракторов и машин, работающих на скоростях 9—15 километров в час. Однако проблема повышения рабочих скоростей сельскохозяйственной техники представляет собой довольно сложную комплексную техническую проблему.

— Что вы имеете в виду?

— Начиная с 1959 года ведутся широкие поисковые исследования, позволившие доказать техническую возможность и большую экономическую целесообразность повышения рабочих скоростей сельскохозяйственной техники до уровня 9—15 км в час.

С 1962 года проводятся сравнительные производственные испытания в ряде сельскохозяйственных зон страны, которые еще раз практически подтвердили возможность решения этой задачи.

Ряд заводов тракторостроения и сельскохозяйственного машиностроения, используя материалы проведенных исследований, запроектировали промышленные образцы тракторов и сельскохозяйственных машин для работы на скоростях 9—15 километров в час.

Надо сказать и о том, что наша страна обладает всеми возможностями для использования преимуществ скоростной техники. У нас крупные хозяйства, большие поля. Вспомните бесконечные поля степного Алтая, казахскую целину, кубанские просторы...

— Значит, все развивается по плану? Все обстоит благополучно?

— Вот благополучия-то и не хватает! Несмотря на Директивы XXIII съезда о широком внедрении скоростных тракторов и сельскохозяйственных машин к концу пятилетки, до сих пор отсутствует конкретный план работ, обеспечивающих своевременное внедрение в сельскохозяйственное производство новой скоростной техники.

— Имеются ли другие резервы для повышения производительности машинно-тракторного парка?

— Да, безусловно имеются. Эти резервы указаны в Директивах: повышение качества изготовления, надежности и долговечности сельскохозяйственной техники.

Я не сомневаюсь, что программа выпуска тракторов, намечаемая на пятилетку Директивами, будет выполнена. Вызывает тревогу качество этих машин. Вот пример. В сельское хозяйство поступает трактор с номинальной мощностью двигателя в 75 л. с. Через некоторое время мощность двигателя падает на 5—7 процентов.

Для устранения возникших дефектов необходимы запчасти, снабжение которыми продолжает оставаться неудовлетворительным.

Эти причины приводят к значительному понижению производительности сельхозтехники и к увеличению расхода нефтепродуктов.

Значит, надо не только выпустить запланированное количество машин, но и обеспечить их высокое качество, надежность и долговечность.

Больно видеть в самое горячее время отказавшую технику. Множество людей участвовало в ее создании. Ее ждали люди на полях. Когда она отказывает, ставится под удар работа многих тысяч людей.

— Кто должен решать проблемы качества сельскохозяйственной техники?

— В первую очередь — Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. В нынешних условиях проблемы качества, надежности и долговечности сельскохозяйственной техники стоят особенно остро.

Много нареканий вызывает и качество ремонта, производимого на предприятиях «Союзсельхозтехники». Кстати, именно работники «Союзсельхозтехники» принимают продукцию на многих предприятиях Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения.

Редакция считает, что вопросы, поднятые академиком ВАСХНИЛа В. Н. Болтинским в интервью «Литературной газете», имеют важное значение для народного хозяйства.

Вот почему мы надеемся, что Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР и «Союзсельхозтехника» выскажутся по проблемам, затронутым академиком В. Н. Болтинским.

...ИМЕНИ ЧАЙКОВСКОГО

МОСКВА, ИЮНЬ, МУЗЫКА

Любомир ПИПКОВ,
болгарский композитор

ПРЕЖДЕ чем говорить о конкурсе, хочу поделиться с читателями «Литературной газеты» впечатлениями о чрезвычайно важном для меня как композитора событии: находясь в эти дни в Москве, я присутствовал на премьере Одиннадцатого квартета Дмитрия Шостаковича. Это замечательное сочинение, человечное и современное в лучшем смысле этого слова. Шостакович своим творчеством показывает композиторам всего мира верную дорогу — дорогу реализма и истинного новаторства, глубоко связанного с замечательными традициями русской и мировой классики.

Куда идет современная западная музыка, оставляют ли в ней сколько-нибудь значительный след модные течения — додекафония, алеаторика, пуантилизм и множество других школ и школок? Этот вопрос задают сейчас многие. Я лично считаю, что никакие «музыкальные системы» не могут заменить истинное вдохновение, настоящее творчество.

ОЧЕНЬ хорошо, что в жюри конкурса имени Чайковского наряду с выдающимися инструменталистами входят и композиторы. Это позволяет более разносторонне подойти к оценке мастерства участников.

Уровень конкурса очень высок. Большинство его участников, на мой взгляд, очень одаренные и способные музыканты. Мне даже кажется, что следовало допустить на второй тур больше виолончелистов — их подготовка дает основание для такого пожелания. Но, к сожалению, конкурсные требования очень строги — только шестнадцать продолжают соревнование.

Приятно, что в числе прошедших строгий отбор — мой молодой соотечественник Стефан Попов. Вообще на III конкурса имени Чайковского новое поколение болгарских виолончелистов впервые по-настоящему заявило о себе, и в будущем мы вправе ждать от них значительных успехов.

В заключение хочется сказать о московской публике — требовательной, высококвалифицированной и одновременно очень доброжелательной.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя ШИЯНА А. И. орденом «Знак Почета»

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Шияна Анатолия Ивановича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
6 июня 1966 г.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНОГО ХРОНИКЕРА

КОЛХОЗНИКИ — ПИСАТЕЛЯМ

Поэт Сулейман Рустам перевел на азербайджанский язык многие произведения Тараса Шевченко.

Недавно он получил письмо из Артемовского района Донецкой области. «Наш колхоз,— говорится в нем, — носит имя великого украинского поэта, творчество которого остается для нас вечно живым. Мы считаем, что Вы как поэт — кровный родственник Тараса Григорьевича, а значит, и наш...» Донецкие хлеборобы сообщили об избрании Сулеймана почетным членом сельхозартели имени Т. Г. Шевченко.

В ответном письме Сулейман Рустам сердечно поблагодарил украинских колхозников за оказанную ему честь. «Ваше внимание, — писал поэт, — я расцениваю как чудесное проявление дружбы наших братских народов».

Такое событие, пожалуй, произошло впервые. В прошлом году, когда отмечалось 120-летие со дня рождения классика Литовской литературы Юлия Жемайте, на ее родине, в Кельме, колхоз, носящий имя писательницы, учредил литературную премию. Она должна присуждаться лучшим произведениям, посвященным сельской тематике. И вот первый лауреат колхозной премии Ю. Жемайте известен. Им стал Юозас Балтушис. Жюри, состоящее из представителей колхоза и Союза писателей Литвы, из десятков произведений признало лучшим его рассказ «Чего не досказал Лаукис».

АДРЕС ПИСЬМА: «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

МОСКВА. В музей-квартире Ф. М. Достоевского любил бывать и часто выступал советский писатель и литературовед Леонид Петрович Гроссман. Поэтому именно сюда, на вечер, посвященный творчеству Гроссмана, собрались его товарищи и читатели. В содержательном разговоре о писательском труде приняли участие Владимир Лидин, доктор искусствоведения И. Зильберштейн, член комиссии по литературному наследию Л. П. Гроссмана А. Белкин и другие.

СЕРАФИМОВИЧ (Волгоградская область). Вся пионерия города собралась на торжественную линейку, чтобы встретиться с сыном писателя, чье имя носит город, — И. А. Поповым, участником Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Здесь были и другие почетные гости города, приехавшие отметить 15-летний юбилей музея Александра Серафимовича, — московские литераторы А. Небах и Р. Хигерович, бывший адъютант героя гражданской войны Епифана Ковтюха Я. Гладких, кандидат военных наук В. Горлов, ответственный секретарь Волгоградского областного отделения Союза писателей РСФСР В. Костин и другие товарищи.

ОРЕХОВО - ЗУЕВО. «Мы пришли на улицу Кирова, к этому дому № 13, чтобы отдать дань любви и уважения автору «Чайки» Николаю Зотовичу Бирюкову», — так сказала на митинге заместитель председателя Орехово-Зуевского горисполкома Л. Черменова. Митинг был посвящен открытию мемориальной доски на доме, где Н. Бирюков прожил десять лет. Выступили первый редактор «Чайки», член комиссии по литературному наследству Н. Бирюкова Б. Дьяков и писатель А. Перегудов, едова писателя А. Бирюкова и доцент Педагогического института А. Кайев, а также жители Орехово-Зуева.

МАХАЧКАЛА. Радостный день был у писателя Абу-Банара Ахмедхана. За книгу повестей «Даргинские девушки» ему присуждена Республиканская премия Дагестана имени Сулеймана Стальского.

СЫКТЫВКАР. И еще одна литературная награда. В Коми АССР большим уважением пользуется имя Виктора Алексеевича Савина — основоположника советской литературы Коми, общественного деятеля. Премия имени Савина за 1965 год присуждена журналисту М. Бриману.

НАВСТРЕЧУ СЛАВНЫМ ДАТАМ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

«...Без таких народных полководцев, как Фрунзе, Блюхер, Гай, Чапаев, Красная Армия не сумела бы справиться с врагами». Эти слова М. И. Калинина приведены в книге А. Дунаевского «По следам Гая», которая посвящена жизни героя гражданской войны А. Гая.

В Центральном Доме литераторов состоялось обсуждение новой документальной повести А. Дунаевского.

Вступительное слово произнес Лев Славин.

В большом интересном разговоре приняли участие писатели Б. Костюковский, И. Дик, Ф. Гарин, Я. Цветов, Б. Камов, М. Крючкин, военный историк А. Голубев, ветераны гражданской войны, фронтовые товарищи Гая — Е. Воронов, генерал-майор в отставке П. Давыдов, полковник в отставке Я. Тимофеев, а также вдова героя Н. Румянцева и другие товарищи. Такие обсуждения комиссия по военно-художественной литературе Союза писателей СССР накануне 50-летия Советской Армии будет проводить регулярно.

Один месяц — семь с половиной миллионов книг

В этот день человека с книгой в руках можно было встретить здесь всюду: на площадках и аллеях, в тени деревьев и на берегу Москвы-реки. В парке культуры и отдыха имени Горького проходил большой праздник книги. Москвичи слушали стихи, говорили с авторами о написанном и задуманном, знакомились с планами издательств.

Праздником этим завершился месячник книги, проходивший в столице. За это время было организовано более 50 книжных базаров, продано свыше семи с половиной миллионов книг.

ЖУРНАЛИСТ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ СОБЫТИЙ

НОВЬ МОРДОВИИ

Семен НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

У ВЪЕЗДА в село Константиновка стоит серый полинявший ветряк и рядом с ним чугунная водопроводная колонка. Так соседствует новь со стариной. Впрочем, у ветряка давно уже нет крыльев: жернова крутит электромотор.

Железо и шифер на крышах. Телевизионные антенны. Ремонтные мастерские. Тракторы, автомашины, комбайны... И — отлично вписавшаяся в деревенский пейзаж только что пришедшая сюда майская новь!

Мы собрались на круче у колхозного правления. Кто сидит на крыльце, кто стоит, прислонившись к штакетнику. Отсюда, как на ладони, видна пойма Инсара. Слышно, как гудит мотор. Кого, казалось бы, нынче удивишь в деревне мотором? А люди смотрят и слушают, как завороженные.

На пойме строят плотину со шлюзом-регулятором. И сдвигает бульдозер горы земли, обещая пашне драгоценную воду.

Скоро, очень скоро раздастся в плечах Инсар, и тогда бери ее, благодатную воду, сколько надобно. Даже в самый иссушающий зной, когда раскаленное небо не сулит дождя, его можно будет заказать дождевальным установкам.

Здешний агроном Михаил Дмитриевич Назаров уже подсчитывает урожаи свеклы на оплодотворенной влагой земле:

— Возьмем четыреста.

Четыреста центнеров сахарной свеклы с гектара — этого в Мордовии еще не было.

— Сто тысяч рубликов — вот что даст нам теперь эта пойма, — добавляет Назаров.

— А жом? — доносится голос с крыльца. — Его считал?

Назаров подсчитывает. Опять выходит добрая добавка: если жом, полученный при переработке свеклы на сахарном заводе, скормить колхозным коровам, они дадут еще полторы тысячи центнеров молока.

А гарантированный урожай овощей на орошаемой земле? Это тоже немалый доход хозяйству.

Константиновский колхоз «Заветы Ильича» входит в кольцо поливных хозяйств, создающееся вокруг Саранска. Мордовская столица, в которой я бывал не раз, с каждым годом становится все шире и краше. В ней уже 160 тысяч жителей. И на столе саранцев будет вдоволь редиса, лука, моркови, огурцов, капусты...

Все это принесет с собой вода.

О ЕСТЬ вода и убивающая жизнь.

Мы подъехали к пойме реки Атьчи. Машина стала на дороге. Дальше ей ходу нет. Идем пешком. Под ногами черная, отдающая синевой, набрякшая гнилой водой земля. Пробираемся, балансируя по кочкам: оступишься — и провалишься по колено.

Но что это? С каждым шагом в глубь поймы земля как бы твердеет. Чудо свершает экскаватор. Он роет широкий канал, и мы видим, как по черным бокам канала сбегают струи воды.

Вспомнилось, как несколько лет назад таким же летним днем стоял я на уникальнейшем поле под Оршей. Здесь, в белорусской деревне Иваново, сто с лишним лет назад был построен дренаж. По гончарным дренам и по сию пору дружно стекает вода в речку. Осушенное поле дает удвоенные и утроенные урожаи. Неизменно, каждый год, что бы на нем ни посеяли, — жито, бурак или бульбу.

Да, на Руси давно знали цену мелиорации. Но только сейчас достигнутый нами уровень техники и экономики позволяет так широко развернуть сложнейшие работы в масштабе всей страны.

Вот стоит экскаватор и все глубже вгрызается в землю. После его придут бульдозеры, выровняют поля, проложат дрены, и по ним потечет в канал лишняя вода.

Здесь, на Атьче, уже берут удвоенные и утроенные урожаи. Соседние колхозы Од-Ки, имени Жданова и десятки других уже сняли на осушенных землях богатырскую конопляю, отменные овощи, небывало густые травы.

Начальник производственного участка Ладской машинно-мелиоративной станции Анна Павловна Сухорукова подсчитывает гектары осушенной земли: 200 на Суре, 1 300 на Алатыре... Она — опытный агроном и заботится не только о том, чтобы лучше осушить, но и чтобы умело и полностью освоить возвращенную к жизни почву. И вот Сухорукова, как и другие товарищи, предлагает создать в системе управления водного хозяйства и мелиорации республики отдел эксплуатации. Без систематического надзора каналы могут заилиться. Если засорится дренажная сеть, на пашню вернется болото.

Собеседники Анны Павловны — директор Ладской ММС Сергей Григорьевич Хацкин, начальник Управления водного хозяйства и мелиорации республики Владимир Иванович Березенко, заведующий сельскохозяйственным отделом Мордовского обкома КПСС Иван Яковлевич Киселев, люди многоопытные, знающие, поддерживают это предложение.

— Слышали? — говорят Сергей Григорьевич. — Наши мелиораторы берут обязательство: работать три смены, круглосуточно. Письмо вот написали...

Это — зарождение нового почина. И, конечно же, разгорится оно, соревнование людей новых в деревне профессий — экскаваторщиков, машинистов-корчевателей, бульдозеристов. Они трудятся вдали от семей и жилья. Ночью — при свете фар. Мужественные люди. Настоящие ратники, новые герои деревни — преобразователи земли.

Но героям надо и помочь. Трехсменная работа агрегатов потребует больше запасных частей. И больше машин — дренажных, болотных фрез, плугов, бульдозерных навесок. Не дело, когда для транспортировки экскаваторов, бульдозеров и корчевателей — а их уже около сотни в республике! — есть всего два трралера. Ведь скорость этих машин — полторатри километра в час, а порой им приходится добираться до объекта за сотню километров. Нельзя мириться и с тем, что в Мордовии с ее многотысячным автопарком до сих пор нет своего авторемонтного завода.

БЕСЕДУЮ со старым знакомым, Семеном Марковичем Шороховым — секретарем Мордовского обкома партии. На его столе — газеты с материалами майского Пленума ЦК КПСС, подчеркнутыми во многих местах. Шорохов отлично знает каждый гектар здешней земли, исхоженной им, старым агрономом, вдоль и поперек. Речь его нетороплива. Цифры называет осторожно.

Мордовия знала опустошительные засухи в конце прошлого и начале нынешнего века. Теперь поля опоясаны лесными полосами. Крепенькие березки, тополя, дубки сдерживают ветер, накапливают снег, дают влагу. Подрастают новые лесные полосы. Деревья выживают у оврагов, балок. Поля хлопка, новые посевы подсолнуха. И климат подобрет, станет мягче.

Создано шесть машинно-мелиоративных станций. Недавно одна из них начала работать в Торбеевском и Атюрьевском районах, расчищает поймы рек. Вскоре вольются за работу еще пять таких станций.

За пятилетие будет осушено 20 тысячетитаров заболоченных земель, улучшено 29 тысяч. 4,5 миллиона тонн торфа укрепят, сделают плодородными пески. Урожаи зерновых за десятилетие удвоятся.

Заслуженный поэт Мордовской республики Никул Эркай только что закончил повесть «Митяевы мечтания». Рукопись, которую он мне показал, завершается такими словами: «Теперь поймы и озера проснулись, умылась отава, обогретая летним солнышком, заиграла изумрудом, налилась жизненной силой и мощью».

● ВОЛЬШАЯ ТРЕВОГА О САМЫХ МАЛЕНЬКИХ — ПИСЬМО НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ.

● ДОЛЖНОСТЬ! НЕТ, СЛУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ! — В РАЗГОВОР О МЕДИЦИНЕ ВКЛЮЧАЕТСЯ ПИСАТЕЛЬ Ю. ГЕРМАН.

СПОР ИДЕТ

МАТЕРЧАЛЫ ПУБЛИКУЮТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

● О МЕЖАХ В НАУКЕ — ОТВЕТ ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ АН СССР Л. ЛЕОНТЬЕВУ.

● ИССЛЕДОВАНИЕ ИЛИ АННОТАЦИЯ! — СТАТЬЯ КРИТИКА А. ВОЧАРОВА.

● КЛАССИКА И ТРАДИЦИИ — ДЕВЯТЬ ЗАМЕТОК РЕЖИССЕРА Н. АКИМОВА.

ВНИМАНИЕ: МАЛЫШИ

С. КРУГЛЫЙ

ЭТО письмо рождено личной обидой и личной болью. Я бы, возможно, и не написал его, если бы не случай, пережитый три недели назад нашей семьей, но мысли, которыми я хочу сейчас поделиться, созревают у меня давно.

Моей внучке пять с половиной лет, мне за семьдесят, и естественно, что ее радости и заботы стали в большей степени моими, личными. А ее обиды переживаются мною более глубоко и горько, чем я когда-то переживал мои собственные... Это относится, конечно, и к радостям, и неожиданным, приятным сюрпризам, которыми так изобилует детство. Такой радостью было для меня в апреле большое доверие, оказанное Марине в детском саду воспитательницей: в этот сад она ходит недавно (мы меняли квартиру), и, несмотря на это, ее «выдвинули» на ответственную и почетную роль «Красного солнышка», которое она и должна была изображать на детских майских торжествах. Я, единственный неработающий в семье, делил с ней все ее артистические тревоги. Мы вместе репетировали стихи, отрабатывали танцевальные па, искали разные выразительные «подробности» ее солнечного наряда. Накануне торжественного дня внучка от волнения плохо спала, в детский сад она пошла оживленная, счастливо-встревоженная, радостная, как никогда. А к пяти вечера из второй этаж, где помещается сад, в таком же счастливо-встревоженном состоянии поднималась и наша семья: сын, его жена и я — дед. На площадке второго этажа, уткнувшись лицом в угол, стояла, горько рыдая, девочка; она повернула к нам лицо, — это была наша Марина. Она плакала, потому что в самую последнюю минуту ее отстранили от роли: неожиданно выздоровела (неожиданно — для воспитательницы) девочка, которая играла роль «Красного солнышка» и год, и два года назад, и, чтобы не нарушать, так сказать, добрых традиций, эту роль с места в карьер дали ей и сейчас. Растерянный, униженный еще больше, чем моя внучка, я побежал к воспитательнице, говорил ей, наверное, какие-то жалкие слова, а она выражением лица показывала, что мои заботы рядом с ее заботами — ничтожная капля... Тогда я, сам не помня себя от волнения, побежал к директрисе детского сада, и та мудро решила: «Пусть будет на празднике два «солнца»!

По дороге домой я думал. Я думал о выдающихся воспитателях, об Ушинском, о Пирогове, о Макаренко, о Корчаке, о их бесценных открытиях в мире детского сердца, о их мудрых заветах. Как раз в те дни я читал книгу Януша Корчака «Когда я снова стану маленьким». Это удивительная книга о том, как взрослый человек, школьный учитель, вдруг по волшебству стал опять маленьким мальчиком и увидел, так сказать, изнутри все те детские печали и волнения, которые он еще вчера, как учитель, видел извне. И он постепенно понимает, как был порою душевно глух к сложному и странному миру детского сердца, сам того не желая, наносил глубокие раны ему, не понимал его необходимых, естественных движений... Хорошо бы, думал я, если бы такое волшебство было действительно возможно, и любой учитель, любая воспитательница, скажем, воспитательница нашей Марины в детском саду, могла хотя бы день опять побыть маленьким человечком, чтобы со всей свежестью ощутить детский внутренний мир, который мы, к сожалению, так быстро утрачиваем и забываем.

И все сильнее и сильнее становился мой гнев на эту воспитательницу, и я решил, чего никогда со мной раньше не бывало в жизни, потребовать ее наказания. Для того чтобы поближе с ней познакомиться и не быть несправедливым, я пошел в детский сад уже не с внучкой за руку, не в качестве деда, а как гражданин. И потом еще раз пошел, и еще...

И весь мой гнев на воспитательницу, жестоко обидевшую мою внучку и меня, улетучился почти без следа. Я узнал, что она работает в две смены, на двух ставках, с рассвета и дотемна, каждый день, кроме воскресенья, что в ее группе более 20 малышей, и подумал, что подобная работа может убить в человеке и сердечную отзывчивость, и даже воображение, необходимое для того, чтобы вновь ощутить себя девочкой или мальчиком.

Я понял, что воспитательница заслуживает не столько гнева, сколько сочувствия и помощи. Может быть, она действительно человек случайный в педагогике, а может быть, попади она в нормальные условия, то хорошее, что заложено в большинстве людей, развернулось бы в ней гораздо эффективней, чем сейчас. Ведь не можем же мы делать ставку на Макаренко или на Корчаков в стране, где нужны тысячи опытных добрых детских педагогов для десятков, может быть, даже сотен тысяч детских садов и детских яслей.

Я беседовал с многими родителями — папами, мамами, дедами и бабками, и многие из них высказывали такую мысль: мы, мол, совершили большую ошибку, оказав такое безграничное доверие детскому саду, рассчитывая, что общественное воспитание может в серьезной мере заменить воспитание семейное.

В этой ошибке папы и мамы, деды и бабки винили не только себя, но и наших педагогов, педагогическую науку и органы народного образования. При том критиковали их не столько за то, что они слабо улучшают общественное воспитание, сколько за то, что уделяют ему в ущерб воспитанию семейному, основное внимание. «Воспитание семейное, — говорили мои собеседники, — стало у нас чуть ли не полузапретной темой. Возьмите книгу «Мать и дитя», где определен уход за ребенком до года, она выпускается массовыми тиражами. А где найти книгу, посвященную воспитанию детей последующих возрастов?»

Я не педагог, а экономист. И вот, встречаясь сегодня с моими товарищами, такими же рядовыми экономистами, как и я, невольно замечаешь, как новейшие научные методы начинают пронизывать работу даже самых «начальных звеньев». По-моему, этого нет в педагогике: где-то идут высокие научные дебаты, а воспитательница действует так, будто бы на свете нет не только современных психологических методов воздействия на человека, но не было даже Ушинского!

Я встречался с несколькими очень молодыми воспитательницами, которые работают в том же детском саду, который посещает моя внучка, и изо дня в день наблюдаю молодых родителей — и возникает невольно уверенность: средняя школа не дает юноше или девушке основ педагогического мышления. И в результате те, кто из школы идет в педвузы, порой усваивают только поверхностные знания, а те, кто становится, так сказать, просто родителями, целиком взваливают всю ответственность на общественное воспитание. Раньше в школах был одиннадцатый, так называемый, педагогический класс, был и курс психологии, сейчас это все ликвидировано, а что взамен?

Я в этом письме ставлю только вопросы в надежде, что ответы дадут на них те, кто глубже и больше меня занимался этой проблемой, поэтому прошу простить за, может быть, наивные или сугубо неправильные вопросы.

Вопрос, например, такой: девочка и мальчики. По моим наблюдениям считается, что в детсадовском возрасте девочек и мальчиков нет. Есть только ребенок. Но соответствуют ли эти наблюдения и жизни, и науке?

Или следующий вопрос: что такое вообще детство, надо ли его «обрекать» на определенные заботы или оно должно быть абсолютно беззаботным и безоблачным. Сейчас имеется множество точек зрения совершенно дилетантских у различных родителей и воспитателей. Какая из них является наиболее плодотворной и точной?

Или облик детских садов. Как часто еще безрадостен внешний вид наших детских учреждений! Порой кажется, что у архитекторов, строителей или у тех, кто ими руководил, никогда не было ни детства, ни детей.

Можно до бесконечности увеличить перечень этих вопросов. Я не хочу этого, мне хочется обратить внимание редакции на проблему, которая кажется мне чрезвычайно актуальной и государственно важной: на воспитание самых маленьких.

У нас много пишут и говорят о воспитании школьников, о перевоспитании тех, кого школа не воспитала, но ведь решающую роль в воспитании играют и детский сад, и детские ясли.

Не так давно я услышал от моей внучки: «Воспитательница меня не любит». Это страшные слова. Ощущение незаслуженной, непонятной нелюбви может на всю жизнь что-то исказить во внутреннем мире ребенка, человека. Объясняй ему потом, что никакой нелюбви не было, а были лишь определенные сложные обстоятельства работы и жизни... Поздно будет. Не помогут эти объяснения.

Все должно быть направлено на то, чтобы маленький человек вырастал с глубоким, ясным ощущением: меня любят. Но для этого, видимо, требуются не благие пожелания, не сентиментальные заверения, а мужественная, кропотливая работа всех, кто отвечает за воспитание малышей.

МОСКВА

Рисунок Г. и В. Нерославских

О МЕДИЦИНСКОЙ СИРЕНЕ

Юрий ГЕРМАН

НЕСОМНЕННО, это прекрасно — искусственное сердце. Так же, как кровопроводящие сосуды из различных заменителей. Где-то было напечатано даже, что эти последние (из заменителей) куда как лучше естественных. Что ж, весьма возможно, спорить тут трудно.

Многие журналы, издающиеся огромными тиражами, обо всем этом пишут солидно и основательно, прилагая красочные чертежи, и все оно любопытно, однако же чревато осложнениями. Существует уже целый контингент больных, которым желаемое представляется достигнутым и полностью реализованным.

Рассказывают, например, как человек в почтенных годах явился в поселковую больничку, имея при себе пачку популярных журналов, газетные вырезки, собственные рентгенограммы в ряд выписок по поводу своего здоровья. Больной этот в весьма категорической форме поставил ультиматум о том, что его необходимо прооперировать «согласно уровню передовой хирургии». Уловив некоторое замешательство в кабинетике главного врача и смущение в глазах докторов, больной потребовал, как в магазине, жалобную книгу. Так как ее не имелось, то он написал грозную реляцию и в дальнейшем отправился по восходящей — из района в город, на больницы в клинику, всюду сея свои жалобы, реляции и письменные угрозы. Говорят, он и поныне ходит и намекает, ни мало ни много, на «вредительство».

Имеет ли смысл «огорчать» больных людей такого рода фантазиями, да еще с красочными чертежами? Мечта — это прекрасно, только нужно четко обозначить границы достигнутого, чтобы не вводить больных в заблуждение. Ибо чрезвычайно трудно практическому доктору в поселковой, допустим, больнице отвечать за фантазии, пусть самые лучезарные в духоподъемные. Да я же в характере это нашей трудовой и деловой эпохи.

Кто станет спорить — удивительное и почти фантастическое свершается на наших глазах. И все мы испытываем и радость, и гордость, читая о победах человеческого разума, вселяющих счастливые надежды. Но ведь это еще не широкая, будничная практика, это еще только праздники медицины. И не такие уж частые. И не следует ли нам всем быть несколько осторожнее с ближайшими прогнозами в смысле этой праздничной медицины?

РАЗМЫШЛЯЯ обо всем этом с точки зрения не медика, а лишь того, кому медицина помогает жить на протяжении долгого времени, не могу не заметить, что медицине будничной, повседневной, коэффициент мы уделяем куда меньше внимания, нежели медицине праздничной, несколько даже сверхъестественной, так сказать, помпезной. А она, будничная, вполне достойна того, чтобы обратить на нее внимание. И на хорошее, и на скверное, и на новое в ней, и на негодное, отжившее. Если бы знаменитые наши доктора академики побольше уделяли внимания этим нашим будням, о которых имеет смысл потолковать!

Правда, нечего греха таить, с этим делом не так просто. Стоит вспомнить только судьбу Вересаева, удивительного человека и доктора, который до неприличия раздражал всех Ионычей своего времени любых чинов и рангов «Записками врача». Раздражил главным образом тем, что вымел сор из избы. Но ведь, кажется, Вяземскому принадлежат слова о том, что он не хотел бы жить в избе, из которой сор не выметается.

НЕМОЛОДАЯ, много испытавшая женщина пришла на прием к именитому доктору-психиатру и пожаловалась на свое тяжелое нервное состояние. Были ей предложены карандаш и бумага, написала она историю своей жизни, а затем произошло собеседование, которое психиатр резюмировал так:

— Нет, голубушка, нет. Вы не просто нервный человек. Вы человек душевнобольной.

— То есть сумасшедшая? — последовал вопрос.

— Считайте так.

Женщина так и «посчитала», со всеми вытекающими отсюда последствиями. А доктор позже пожал плечами и произнес удивительную фразу:

— Но я же в конце концов оказался прав!

...Трудно я тяжело занемог ученый Р. Своему врачу он задал вопрос:

— У меня подготовлены материалы для книги, для ряда статей, нужно сделать и кое-какие мелочи. Чем вы мне советуете заняться на этот период? Так хочется писать книгу...

— Занимайтесь мелочами, — велел врач.

И очень удивился впоследствии, когда заметил подавленное состояние своего больного:

— Ничего особенного я ему не сказал. Нежности какие...

...— Вас много тут подыхает, а мне жить надо, — сказала санитарка в палате своим больным. — Ясно вам? И чтобы было — ша!

Расследование показало, что санитаркой работала девица, этим способом отбывающая двухнедельное наказание за хулиганство. Самое же примечательное в данном сюжете вот что: главный врач понятия не имел о том, что за «контингент» санитарок поступает в отпускные месяцы. Приходят санитарки на две недели, потом новые. Виноватым оказался ловкий доставала — завхоз...

А зуболечение?

Ведь на крик кричат до сих пор в зубоврачебных кабинетах, и это считается вполне допустимым. В порядке, так сказать, вещей, когда при лечении зуба человек, по старинной формуле, «в изумление» приходит от боли. И если он уж очень впоследствии рассердится, то ему объяснят, что, конечно, наличествуют соответствующие машины, но они «не в порядке», есть технические неполадки и всякие причины. И сулят, что впоследствии, и даже вскорости, все будет в полном порядке.

Но почему впоследствии? Это и сейчас возможно. Тому доказательство — случай, имевший место с профессором-хирургом, который «запретил» боль в подведомственной ему клинике. Запретил весьма строго. И здесь с момента этого запрещения никто в «изумление» не приходил. И малоутешительная формула «от этого не умирают» начисто позабыта была на долгое время, вплоть до ухода профессора из клиники. Нынче пациенты понемножку возвращаются к состоянию «изумления».

Другой профессор, выслушав эту нехитрую историю, сказал мне довольно раздраженно:

— Не знаю, не знаю! Мне лично лечили зубы совершенно без всякой боли.

«Еще бы!» — с горечью подумал я.

Разный есть взгляд на вещи — мне больно и им больно.

А зуболечебные будни — дело очень серьезное. Боясь «обязательной» боли, огромное количество людей остается вообще без зубов. Беззубый же человек подвержен таким «будням», что и говорить грустно...

Больной с нелегким заболеванием приехал издалека в наш город, славящийся своими учеными-медиками. И мой друг профессор Ь. должен был отказать ему в стационарном лечении, поскольку данный больной здесь «не прописан». Болезнь, о которой идет речь, такова, что каждый день промедления «смерти подобен», а больной все ходил и ходил по инстанциям, объясняя, что там, где он постоянно живет, способом химиотерапии не лечат. На все его объяснения ему отвечали ужасающей формулой:

— Но вы же понимаете, если все и нам подут...

И только когда доведенный до отчаяния человек разорвал на себе сорочку и показал грудь, изрытую старыми шрамами, — это были ранения, полученные в боях за наш великий город, — его «прописали» в больницу к профессору К., который сказал мне с горечью:

— Сам я не имею права положить. Пойдут разговоры...

— Какие?

— Вот-де, положил, и, вероятно...

Договаривать ему было противно.

Это будни нелегкие. Не замечать же это невозможно, немыслимо. Тут требуется решение жесткое, кардинальное, безотлагательное. Мы знаем, как наши люди отдают свою кровь незнакомому человеку, как они совершают удивительные подвиги человеколюбия и каких нравственных высот достигают эти подвиги, но что можно сделать, чтобы вовремя «прописать» больного в ту именно больницу, где его умеют лечить? Ужели это все не может решаться волей и честью того ученого-доктора, которому доверена, допустим, клиника или специальная больница? Ведь этому ученому безоговорочно вверяются человеческие жизни, как же не доверить ему право командовать своим «коечным фондом»?

БУДНИ, будни...

Как хотелось бы написать о праздниках, но что поделаешь, если будних дней в году больше, чем воскресений. Как быть со всеми этими вопросами будних дней? Как обратить снисходительное внимание того профессора, которому лечили зубы без боли, на тех людей, которым лечат не просто с болью, а «приводя в изумление»? Какая медицинская техника поможет доктору соответственно разговаривать с больным, предохранит больного от санитарки-хулиганки, избавит от ужасающих формул типа: «если все и нам поедут»?

И в технике ли дело для данной категории? Вероятно, медицинская техника, о которой ставит вопрос профессор Н. Амосов, — этап последующий, хотя и необходимый, имеющий полное право на сосуществование с категориями нравственного бытия. Но не отдельно, не сама по себе высокая техника.

В повести доктора и писателя Ю. Крелина «Всего полгода», напечатанной в четвертом номере журнала «Звезда», молодые доктора мечтают: нужно сделать в больнице сирену, чтобы больница могла быть сразу приведена в боевую готовность.

Милая, трогательная, нелепая мечта. Конечно, невозможна в больнице сирена, но ведь это в переносном смысле, а не в прямом.

Речь идет, конечно, о нравственной сирене.

Ах, если бы такую машину! Параллельно с кибернетической. Или, пока ее изготовляют, пока борются с техническими неполадками, пока эта кибернетика «внедряется», пусть пока сирена. Хоть маленькая...

Недаром ею вооружены машины «скорой помощи». В сирене есть своеобразный символ. Нельзя не услышать ее тревожный голос.

Разумеется, сирена нужна «на пока», на время. Возможно, до тех пор, пока кибернетика не войдет полностью в быт нашей будничной медицины. В такой, который так точно описал Василий Белов в очерке «У кого что болит...».

Впрочем, может быть, и тогда без сирены не обойдешься.

Повторяю: нравственной.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ ПРОСТО?

Н. ЛАПИН,
кандидат философских наук

НЕ УСПЕЛИ утихнуть споры о соотношении социологии с философией, как, кажется, назревает новый: теперь уже о том, не посягает ли социология на сферы, подвластные политической экономии?

«Посягает!» — вот вывод, к которому приходит член-корреспондент АН СССР Л. Леонтьев в статье «Социология и экономическая наука», опубликованной 26 мая «Литературной газетой».

«К примеру, в числе проблем, стоящих перед социологией, — читаем мы в статье, — называют: текучесть рабочей силы, использование трудовых ресурсов, оптимальные размеры колхозов. Но что же это будет за экономическая наука, если она останется в стороне от подобного рода проблем? Взять хотя бы вопрос о текучести рабочей силы. Конкретные экономические исследования причин этого явления, факторов, увеличивающих и, наоборот, уменьшающих текучесть, совершенно необходимы для решения многих практических задач. Сюда относится весь круг проблем оплаты труда, материального стимулирования и многие другие вопросы, на первый взгляд не связанные непосредственно с данным явлением, например жилищное строительство».

Как видим, Л. Леонтьев вполне определен в своем требовании «невмешательства», предъявляемом к социологии.

Кто спорит: жилищное строительство — фактор материального, экономического порядка, и упоминание его экономистом вполне закономерно. Но закономерно ли считать, что компетенции экономической науки неизменно подлежат и «многие другие вопросы, на первый взгляд не связанные непосредственно» с текучестью?

Отрицательный ответ Леонтьева на этот вопрос нетрудно предвидеть, ибо сам же он пишет в конце статьи, что социологические исследования включают «сферу общественных организаций, культуры, науки, искусства, семейных отношений и т. д.». Не будем ручаться за «и т. д.». Однако бесспорно, что все упомянутые автором «сферы» так или иначе связаны с текучестью рабочей силы.

Социологам в статье Л. Леонтьева предлагается исследовать наряду с вопросами о равноправии женщин и о национальном равенстве проблему борьбы с бюрократизмом. Прекрасно! Но разве бюрократизм не является одной из причин текучести и разве мало в нашей печати примеров того, как люди используют увольнение «по собственному желанию» в качестве последней меры в борьбе с бюрократизмом (или же, напротив, бюрократизм — с теми, кто против него борется)? А деятельность общественных организаций, признаваемая Леонтьевым подведомственной социологии? Разве не влияет она на коэффициент текучести? А наука и искусство, воздействующие на общественное мнение относительно ценности той или иной профессии?

На наш взгляд, текучесть кадров должны изучать и экономисты, и социологи, и представители еще ряда родственных этому предмету наук, таких, как юридические, демографические, психологические и др.

Почему так? Да потому, что в науке уходит в безвозвратное прошлое однозначное разделение «сфер». В естественных науках признание этого революционного процесса уже стало банальностью.

«Иногда, — пишет далее Л. Леонтьев, — встречается такой аргумент: не беда, мол, что экономическая наука и социология будут изучать одни и те же проблемы, ведь подход у них разный: экономистов интересует экономическая эффективность, социологов же — общественные, человеческие отношения». «Правомерно ли такое противопоставление?» — спрашивает автор. И отвечает решительно: «По нашему мнению, нет».

«В социалистическом обществе, — продолжает Л. Леонтьев, — особенно отчетливо видно, что ни одна экономическая проблема не решается без учета человеческих отношений, без учета активности, энергии, творческой инициативы масс и всех тех условий, которые создают наиболее благоприятный «климат» для проявления этих важнейших движущих сил социалистической экономики».

Все верно в этом рассуждении автора в том смысле, что без «всех этих условий», действительно, «ни одна экономическая проблема не решается». Но следует ли отсюда, что все эти условия как таковые являются предметом политической экономии?

Противопоставлять производственные и человеческие отношения и впрямь не следует. Но не следует и отождествлять их. Моральные отношения, например, — тоже человеческие отношения. Однако до сих пор ни один марксист не делал их предметом экономической науки, хотя они и участвуют в создании «наиболее благоприятного «климата» для проявления важнейших движущих сил социалистической экономики».

Нет! Слишком уж просто представляет автор разграничение «сфер влияния» между экономической наукой и социологией.

Может быть, и пошел бы социолог на такую «простоту», да трудно ему отделаться от мысли, что, помимо экономистов, существуют еще и этнографы, и юристы, и эстетики... А что если этнограф скажет социологу: семейные отношения? — это мое и национальные отношения — тоже мое. Затем придет эстетик: искусство? — это мое, могу справку от самого Платона выправить... Наконец, и юрист может сказать: общественные организации — это дело политической науки. Остаются культура и наука? Но тут социолог перехватывает многозначительный взгляд философа...

Вот уж, действительно, при таком подходе, какой предлагает Л. Леонтьев, говоря его же словами, «у нас по-прежнему социологии не будет»!

ПИСЬМА

ПОЧЕМУ ЗАКРЫЛИ МУЗЕЙ?

Небольшой городок бывшей Вятской губернии Уржум — родина С. М. Кирова и многих выдающихся деятелей русской культуры. Городок этот был богат историческими памятниками, материалами, документами, произведениями художников и писателей, выросших в этих местах. Но вот в последние годы в Уржуме произошло нечто странное: закрыли районный театр и краеведческий музей. Имущество музея роздано районным учреждениям и организациям. Эти неожиданные «наследники» (библиотека, средняя школа № 2, зооветтехникум) выбросили на свалку старинные земледельческие орудия, геологические коллекции, чучела птиц. Исчезли две ценные иконы кисти уроженца Уржумского уезда художника В. Васнецова.

В бывшем реальном училище ликвидированы великолепно оборудованные рисовальный, физический и химический кабинеты. Наглядные пособия рисовального кабинета — копии античных скульптур, а также ценные приборы разбиты.

Безнадежно испорчено и здание городского училища, где учился С. М. Киров.

Группа уржумских краеведов, учителей, молодых художников и поэтов решила заново создать краеведческий музей на общественных началах. Министерство культуры РСФСР одобрило инициативу энтузиастов, но местные власти мешают организации музея.

Через «Литературную газету» обращаемся к Кировскому областному Совету депутатов трудящихся с просьбой помочь открыть музей краеведения в Уржуме.

А. АЛДАН-СЕМЕНОВ,
писатель,
Н. АРБУЗОВА,
академик,
Е. ЗАМЯТИН,
секретарь редакции газеты «Кировская искра»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 стр. 9 июня 1966 г. № 67

НЕСОЛИДНО

Уважаемый товарищ редактор!

Как многолетний читатель «Литературной газеты», шлю поздравления с Вашим своим праздником, радостный человек, узнавший раньше всех из газеты [illegible]

Я купил выпущенный издательством «Наука» справочник «Население земного шара». Изучая содержание этого справочника, я узнал немало нового. Например, на странице 88 сообщается, что в Татарской АССР численность населения на начало 1965 года составила [illegible] тысяч человек, обитающие национальности (в тыс. чел.): татарцы — [illegible], русские — [illegible].

Никто сообщается, что при той же численности населения в Татарской АССР имеются национальности (в тыс. чел.) та же: татарцы — [illegible], русские — [illegible].

Интересно все же, почему в Татарской АССР обитает национальность — татарцы?

На странице 73 справочника обнаружил [illegible] — [illegible]. А [illegible] живут в [illegible]

Известно, что на северо-востоке Франции находятся области Эльзас и Лотарингия. Их на все знают, что эльзасцы и лотарингцы вовсе не живут на этой территории. Об этом сообщает справочник на странице 119: «На западе (Франция. — А. П.) живут эльзасцы и лотарингцы».

Мне кажется, что издавали такого «солидного» справочника вовсе не стоялось избегать опечаток. Нельзя не обратить внимания, что, говоря о Камбодже, справочник утверждает (стр. 159) «в странах (а не в стране. — А. П.) владение всеобщее начальное образование», что «наследство Аварии, нам уже говорилось, ведет свое происхождение от [illegible] на всех трех континентах Старого Света» (стр. 271).

В конце книги, к сожалению, [illegible] ошибки. На в таких случаях издательство, хотя это и не украшает книгу, в конце ее помещает список выявленных опечаток. Издательство «Наука» на удосуждение «сопроводить справочник таким списком, а издан он тиражом [illegible] экземпляров.

[illegible] поступило [illegible] издательство.

А. ПЕРЕЛЬМАН

ФОТОРЕПОРТЕР ПУТЕШЕСТВУЕТ

Отличный улов крабов!

ЧИТАТЬ ИЛИ НЕ ЧИТАТЬ РЕЦЕНЗИИ?

А. БОЧАРОВ

НЕДАВНО я принимал участие в читательской конференции по книге одного из уважаемых наших прозаиков. Почти все выступавшие с наивной гордостью оговаривались: никаких таких рецензий я не читал и буду высказываться по-простому, от себя. И в заключительном слове автор лукаво подыграл «народу», подтвердив, что ему особенно дороги именно такие читатели — «не испорченные критикой». Отчего же он не решился произнести: жаль, что вы не читали рецензии — они помогли бы глубже понять мой роман!

Я не говорю сейчас о том, что рядом с ним сидел критик, написавший две большие «положительные» рецензии на книги этого писателя — дело тут не в личных обидах. Просто он, видимо, привык так говорить, ибо подобное пикирование на критику стало в литературных кругах чуть ли не «хорошим тоном».

В пятом номере журнала «Вопросы литературы» опубликована любопытнейшая анкета «Писатели о критике», где 19 прозаиков и поэтов высказывают свои мысли о критике, о наиболее действенных, на их взгляд, жанрах критики, о наиболее примечательных выступлениях.

Там можно найти всю гамму писательских оценок. «Я боюсь критиков... — не без кокетства «признается» В. Липатов, — я поделился этим чувством с товарищами и нашел в них облегчающее душу понимание». «Критиков у нас принято ругать... — констатирует С. Крутилин.—Мне не хотелось бы повторять много раз слышанное». И лишь у немногих (сошлюсь хотя бы на В. Кожевникова, В. Аксенова) «привычная писательская ирония по отношению к критике уже несколько навязла в зубах...»

В чем причина такого, скажем мягко, напряженного отношения к критике?

И почему почти все писатели называют наиболее действенным жанром проблемную статью, а не рецензию, хотя, казалось бы, рецензия — самый боевой, оперативный жанр, к тому же обращенный к большому кругу читателей?

Легче всего было бы свалить эту незаинтересованность в, так сказать, практической критике на «высокомерие» иных творцов. Но думаю, что в значительной мере здесь отражается наша собственная вина, наша беда. Вот о некоторых причинах я и хочу сказать.

СНАЧАЛА только факты. «Литературная газета» в сентябре — октябре прошлого года опубликовала три рецензии на повесть В. Курочкина «На войне как на войне». Если С. Орлов утверждал, что «писатель очень многое рассказал о войне правдиво, памятливо», то А. Елкин и В. Камянов подвергли повесть резкой критике за искажение действительности, за выдвижение на роль героя «заурядной, недалекой личности». Рецензию В. Камянова, которая завершала дискуссию, редакция газеты сочла «в основном справедливой». В статье «Человек в искусстве» («Известия» от 25 сентября 1965 г.) В. Щербина уже прямо в нескольких фразах расценил эту повесть как «искажающую действительное положение дел», ибо война в ней «оказывается скопищем всяких недоразумений, а человек выглядит как жертва, неудержимо влекомая течением случайностей».

Казалось бы, все ясно. Но... ко в ноябре в «Комсомольской правде», а в декабре в журнале «Москва» появляются рецензии С. Воронина и В. Дементьева, которые, подобно С. Орлову, отмечая отдельные недостатки повести, главный свой пафос направляют на возражения «почтенным критикам повести». И вот уже в редакционной статье «Комсомольской правды» от 17 февраля 1966 года говорится: «Комсомольская газета отстояла ее (повесть) от несправедливой критики, которая раздавалась со страниц некоторых печатных органов».

Как видим, господствует широкая свобода мнений, в отсутствии которой нас часто пытаются обвинить недобросовестные или заблуждающиеся зарубежные оппоненты. (Прочитав недавно в Сирии и Ливане несколько лекций о современной советской литературе и ответив затем на огромное количество вопросов, я могу твердо сказать, что эта проблема была центральной для собеседников.)

Но... будучи благом, эта свобода может, как мы видим, обернуться такой странной ситуацией, когда два авторитетных органа печати видят в одном и том же литературном явлении искажение действительности, а два — при отдельных недостатках книги видят в ней талантливое изображение правды войны. И это — при условии, что каждая рецензия выражает, по установившейся традиции, точку зрения редакции.

Конечно же, критик не может не быть субъективным: без ясно ощутимых признаков того, что мы называем личностью критика, рецензия вырождается в аннотацию. Но эта субъективность (не субъективизм!) должна быть направлена на постижение реальной идейно-художественной ценности произведения: критика в целом как несомненная выразительница общественного мнения обязана быть объективной. И вот здесь-то и важны мудрость и безукоризненный вкус печатных изданий, чтобы каждый раз здраво и объективно оценивать явления искусства с партийных позиций.

В последнее время несколько участились случаи, когда писательские газеты решаются на дискуссии, давая возможность столкнуть разные точки зрения на книгу и тем самым помогая читателю сознательно выработать отношение к произведению, а не просто довериться рецензенту. Припоминаю, к примеру, дискуссию в «Литературной газете» о повести В. Липатова «Чужой» (где, кстати, «боязливый» автор весьма решительно и отважно возражал тем, кто критиковал повесть), или только что прошедшую в «Литературной России» дискуссию о повести С. Антонова «Разорванный рубль», где автор также получил возможность высказать свое отношение к критике повести.

И все же такие споры (нужные, конечно, не по каждому произведению, а лишь по действительно спорному) еще редки на страницах литературных газет и совершенно отсутствуют во всех других изданиях: позиция каждого издания (иногда просто ради сохранения его престижа) не меняется. И потому полная противоположность (именно не различия, а противоположность) оценок в разных органах печати все-таки неправомерна и свидетельствует, на мой взгляд, лишь о том, как трудно еще преодолеваются в нашей печати вкусовые или групповые оценки, мешающие борьбе за подлинно народную литературу. Очень, по-моему, прав Нон Друцэ, заметивший в упомянутой анкете, что реально существует опасная тенденция, когда «тот или иной орган печати имеет своих любимцев и своих недругов в литературе, и, таким образом, критику, работающему в данном печатном органе, уже заранее определено поле его деятельности, ему опять-таки трудно выявить до конца свой собственный почерк, свой вкус...»

ОЧЕВИДНЫМ и существенным грехом наших рецензий видится мне дилетантизм. Казалось бы, парадоксально: профессиональный критик — и вдруг дилетант?! Но как часто случается, что мы с равной легкостью пишем о любых книгах — о прозе и о сценариях, о пьесах и о поэзии, о сельской теме и об ученых, о молодежных повестях и о мемуарах старого большевика. И в этом заключается, на мой взгляд, самый отъявленный дилетантизм. Конечно же, каждый человек, мало-мальски владеющий пером, способен, прочитав книгу, пересказать ее содержание да похвалить благородные человеческие качества положительных героев. Но вот эта кажущаяся легкость и ведет к дилетантизму.

Скажем, подчас бывает очень обидно, когда о военных книгах пишут люди, никогда не бывавшие на войне и имеющие о ней лишь книжное представление. И вот одним книжным представлением они судят другое представление, выраженное в книге. Вероятно, я выдвигаю тезис спорный, и его легко при желании истолковать как призыв к узости — тематической ли, жанровой ли — или как призыв к запрещению писать рецензии на книги Ч. Айтматова, если критик не был в Киргизии, или на книги Ю. Рытхэу, если не был на Чукотке. Конечно, в литературе главное — человек, и об этом человеческом содержании книги пишет рецензент в первую очередь, но... по все-таки лучше, если бы он побывал в Киргизии. Во всяком случае, после того как я поездил по Чукотке, я стал куда более здраво и критично смотреть на книги Рытхэу.

Две причины — давление узко понимаемой редакционной «позиции» и дилетантизм — ведут с неизбежностью к частой безликости наших рецензий. Сейчас они в массе своей не истолковывающие, а растолковывающие, очень редко улавливаешь собственные взгляды, собственную концепцию рецензента.

Чем меня привлекают, например, рецензии Л. Аннинского, Е. Стариковой, И. Золотусского? При всех полемических «излишествах» мы всегда ощущаем в рецензии своеобразную личность критика, ибо он пишет только о том, что всерьез взволновало его, а не просто «отбывает номер». И это присутствие еще одной личности — личности рецензента — повышает наш интерес к рецензии.

Очень хорошая рецензия Ю. Кузьменко «Направление поиска» опубликована в апрельской книжке «Знамени». Свободно владея материалом, вступая в спор с авторами, именно истолковывая, а не растолковывая, рецензирует он коллективный труд «Современные проблемы реализма и модернизм». Проблема сложная, «рецензируемых» авторов много, и все-таки Ю. Кузьменко успешно выбрался из всех трудностей, потому что последовательно руководствовался собственной мыслью, собственными раздумьями, дающими яркую искру от столкновения с чужой мыслью.

Рецензент должен быть — простите за громкую фразу — неподкупен: только тогда будут верить ему, его вкусу, его добропорядочности, его пониманию жизни. А не слишком ли часто у нас рецензенты прислушиваются не к голосу своей совести, а к «ситуации», к шепотку дружков?! Проблема доброго имени рецензента разве не заслоняется у нас проблемой «верности оценок», даваемых «печатным органом» — газетой или журналом. И как часто в полемике (вспомним цитированную выше статью из «Комсомольской правды») у нас говорят о позиции органа печати, а не о позиции критика.

Не потому ли у нас так недостает авторитетных, серьезных, пользующихся доверием читателя рецензентов? А стоило бы хоть один раз провести анкету среди читателей библиотек с вопросом: чьим рецензиям вы доверяете и чьим не доверяете? И я убежден, что результаты окажутся весьма неожиданными для многих, полагающих себя выразителями «народного мнения».

А разве правомерно, когда рецензии пишутся как подспорье «для себя», а не для читателя? Такова, например, рецензия Ан. Дремова («Октябрь», № 4, 1966) на книгу В. Новикова «Героическое время — героическое искусство». Как известно, отстаиваемую Ан. Дремовым концепцию идеального героя критиковали за схематизм и умозрительность построений, за отрыв от подлинно героической современности. И вот, взявшись рецензировать книгу В. Новикова, критик цитирует из нее всего одну фразу: «Можно сказать, что героическое в искусстве социалистического реализма — это сплав реального и идеального, существующий в жизни как непременный признак победы новых, коммунистических отношений и получающий своеобразное (в зависимости от дарования художника) отражение в искусстве».

Именно эта фраза выпячивается рецензентом, только она одна и процитирована, возводится в ранг основной мысли, хотя нужна она для того лишь, чтобы критик попробовал снова оправдать свои воззрения: ведь видеть в героическом только признаки будущего — то же, что конструировать идеального героя из признаков будущего. Можно ли считать, что такая рецензия дает подлинное представление о книге В. Новикова?

Сейчас в наших журналах появляется много рецензий «разного калибра». В апрельском номере «Знамени» в общей сложности напечатано 14 рецензий, в «Октябре» — 14, в «Неве» — 6. Но в наш век количеством уже никого не удивишь. Речь должна идти о качестве.

Вот, скажем, в «Знамени» опубликована небольшая рецензия С. Гладышевой на книгу С. Жислиной о творчестве Л. Татьяничевой. Больше половины этой миниатюры занято характеристикой творчества Л. Татьяничевой: «...мужественность, яркая образность, горячий гражданский интерес ко всему происходящему в мире отличают творчество Л. Татьяничевой... Лирический герой Татьяничевой — это упорный человек, первооткрыватель, идущий неторным путем, это человек широких дерзаний». Что это? «Итог исследований» С. Жислиной или раздумья самой С. Гладышевой? Ведь здесь нет ни одной черты, не приложимой к сотням других поэтов. Если таков итог исследования С. Жислиной, то кто захочет прочесть эту книгу? Если же это принадлежит С. Гладышевой, то почему она так расхваливает поэтессу и не говорит о книге критика? Завершается рецензия словами: «В заключение книги автор дает анализ поэтического мастерства, своеобразия творческой манеры Людмилы Татьяничевой». Право же, чем публиковать такую рецензию, лучше было просто перепечатать издательскую аннотацию. И есть ли цель в таком рецензировании, кроме как для галочки: вот и мы откликнулись, вот и мы составляем «книжную полку» журнала! Но надо же когда-нибудь кончать с этой игрой в рецензирование.

Я не претендую на бесспорность всех своих тезисов. Но я убежден в одном: необходимо сообща воздействовать на те причины, которые вызывают нынешнее далеко не блестящее положение с рецензиями и рецензентами, сообща добиваться того, чтобы критика была избавлена от предвзятости и вкусовщины, неизменно оставалась боевой, партийной, объективной.

ПТЕНЦЫ ОДНОГО ГНЕЗДА

«Прием в пионеры у Мавзолея Ленина»
Л. САВЕЛЬЕВА, 11 лет (СССР)

«ВЫ ГОВОРИТЕ: — Дети нас утомляют. Вы правы. Вы поясняете: — Надо опускаться до их понятий. Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься.

Ошибаетесь. Не от этого мы устаем. А оттого, что надо подниматься до их чувств. Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться, чтобы не обидеть», — это Януш Корчак.

Схожие мысли, хотя иначе выраженные, мы встречаем и у Толстого, и еще у Руссо, который считал, что общество портит детей, и предлагал бежать от общества, цивилизации к чистой природе. Но уже современники Руссо понимали, что это утопия.

Человечество идет по другому пути: оно борется за такое общество, где все были бы счастливы. Общество, где взрослому не нужно «подниматься, становиться на цыпочки. Чтобы не обидеть», потому что уважение к личности маленького человека станет естественной моральной нормой для всех. Не напрасно ведь говорят, что единственный «привилегированный класс» в нашей стране — дети.

О мире, в котором все должны жить в дружбе и быть счастливыми, и о борьбе за него рассказывает удивительная выставка детского рисунка «Моя страна — мой дом», открывшаяся в залах Академии художеств СССР. Недаром афишей, символом этой выставки стал рисунок одиннадцатилетней Веры Брадач из Югославии: на дереве гнездо, в котором разного цвета птенцы. Дети человечества, независимо от цвета ножки, — птенцы в одном гнезде. И они должны жить в мире и дружбе. 70 тысяч рисунков из 42 стран получило жюри выставки и с большим трудом отобрало из них полторы тысячи: все было интересно, своеобразно, удивительно...

Какой огромный, разнообразный, яркий мир открывается нам, когда мы проходим по залам выставки! Дом, в котором я живу, и улица перед ним, не похожая ни на какую другую. Холмы. Море. Пустыня. Лес. Лужайка. Дорога. Дождь. Звери. Домашние животные. Танцы. Купание. Работа. Быт. Люди. События. И мир мечты — образы сказок и живой фантазии. История. Будущее... И очень много солнца — оранжевое, желтое, красное. И много деревьев, ярко-зеленой травы, и синего неба, и цветов... И все кажется неповторимым, неожиданным, как будто мы видим это впервые.

И мы вслед за художником очень хотим, чтобы всегда это было: синее-синее небо, и солнце, и зелень, такая яркая и радостная, и люди, которых мы любим. И чтобы все люди умели смотреть на мир такими ясными глазами, с таким же интересом и восхищением.

Вглядитесь в рисунки советских детей — как интересно рассказывают они о жизни ребят, их стремлениях, радостях, жгучем интересе ко всему, что их окружает. Вот портрет ученого девятилетнего Левы Барсного. Ученый кажется чуточку таинственным, он похож на доброго волшебника из сказки, который все может. А какие мужественные и сильные моряки получились у девятилетнего Вани Шаховского! Прием в пионеры у Мавзолея Ленина, космические путешествия, спортсмены...

Мы верим всему, что видим, потому что каждый рисунок — открытие для художника.

Многие рисунки напоминают о многом важном или вызывают в воображении и памяти другие образы. Мы узнаем и много нового: о быте, одежде, праздниках народов далеких стран. Как разные люди трудятся и веселятся. И как прекрасны, например, холмы Шотландии при вечернем освещении. Конечно, мы тысячу раз видели узор ветвей, сквозь который просвечивает солнце. Но мы видели и не замечали. А двенадцатилетний Джиллибам Лесли из Англии остановил нас: не торопитесь, посмотрите...

Выставка вообще заставляет задуматься с том, как много мы но замечаем. Она словно бы стыдит нас, «Радость видеть и понимать есть самый прекрасный дар природы»,— сказал Эйнштейн. Дети в полной мере испытывают эту радость, и оттого так ярко, искренне, непосредственно их искусство. И, конечно, выставка дает богатую пищу для размышлений и педагогам, и родителям. Может быть, взрослым не надо «подниматься до их чувств», но обязательно надо уметь понимать и уважать чувства детей.

Мир детей — это наш мир, который мы любим и который хотим сделать лучше.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ

«Кормление кур»
С. МАТТ, 8 лет (СССР)

«Фигурное катание»
Т. МАРТЫНОВА, 6 лет (СССР)

ДРУГ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(К 80-летию со дня рождения П. Б. Зенкевича)

НЕ ЧАСТО приходится встречать таких образованных, многогранных и талантливых людей, каким был Павел Болеславович Зенкевич. Его жизненный путь прошел через темные дореволюционные годы к бурному времени Октября, который он принял восторженно.

Интересы молодого Зенкевича были разносторонни: он одновременно учился на славянском отделении филологического факультета Петербургского университета, в консерватории и в театральной школе. Октябрьская революция застает тридцатилетнего Зенкевича в Херсоне: он работает в эти годы в отделе народного образования.

Живя в Москве с 1921 года, Зенкевич не прерывает связи с украинским искусством, страстно пропагандирует его.

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной лежит папка переписки Зенкевича с Яновским, Микитенко, Кулишом и Смоличем. Нельзя без волнения читать эти письма: сомнения и заботы, творческие радости и победы — все это стоит за искренними, душевными страницами переписки.

Художественный вкус Зенкевича, тонкое знание языка и театра давали ему возможность беспристрастно и горячо судить о новых произведениях украинских товарищей. Он был переводчиком и инициатором постановки «Патетической сонаты» Кулиша, пьес Микитенко в московских и ленинградских театрах, блестяще перевел «Четыре сабли» и «Всадников» Яновского.

П. Б. Зенкевич, трагически погибший в 1942 году, не может быть забыт, особенно теперь, когда мы тщательно подводим итоги полувековой деятельности советских литераторов.

Переводы П. Б. Зенкевича с украинского, так же как с английского и итальянского, печатаются до сих пор, и имя его всегда будет жить в литературе и в сердцах тех, кто знал этого талантливого человека.

Александр ДЕЙЧ

ПРЕКРАСНОЕ ИНОГДА ЗАБЫВАЕТСЯ

Разрозненные заметки о классической драматургии

Н. АКИМОВ

Сегодня мы продолжаем разговор о кинематографическом и сценическом прочтении классики, начатый статьями М. Блеймана и И. Вишневской («Литературная газета», №№ 61, 64). Слово предоставляется режиссеру Н. Акимову.

1. Классика в репертуаре театра — это стабилизатор его направления, манеры, стилистики. Невозможно окончательно утвердить для себя свое понимание театрального искусства, не проверив его на классике.

2. Из громадных накоплений мировой классической драматургии каждый год, каждый сезон лишь некоторая часть этого наследия возбуждает интерес и желание поставить эти пьесы на сцене. Связь этой избранной части классики с современными проблемами сложна и не всегда просто объясняется. Прямые перекличи и аналогии менее всего привлекательны. Спуск на воду атомной подводной лодки еще не оправдывает спешную инсценировку «80 000 лье под водой» Жюля Верна.

3. Современное прочтение классической пьесы не должно быть преднамеренным. Вообще специальная забота о современности спектакля не приносит никогда пользы, а даже наоборот. Приятно быть красивым, но только если это качество проявляется непроизвольно. Намеренные усилия казаться красивым приводят к ужасным результатам.

Если вкусы, понимание и вся эстетика театра и режиссера современны, то при самом большом стремлении бережно донести классику до зрителя спектакль будет все-таки современным.

4. Уважение и бережная забота о неприкосновенности классического памятника драматургии отнюдь не должны непременно сочетаться с такою же заботой о неприкосновенности театральных традиций в старых постановках этого произведения. Больше того, понимание нашими театральными предками великих произведений драматургии чаще всего нас не устраивает.

При самом непредвзятом прочтении сама трагедия «Гамлет» Шекспира нам гораздо ближе, чем любая сценическая интерпретация этого произведения, относящаяся к XIX веку.

Традиция поручать роль Гурмыжской в «Лесе» Островского самой старой и знаменитой актрисе в труппе постепенно обессмыслила это интереснейшее произведение.

В «Свадьбе Кречинского» идет спор между персонажами, сколько лет Кречинскому. Муромский утверждает, что уже под сорок. А на протяжении почти целого века его играют 60-летние актеры, придавая этим сюжету пьесы совершенно искаженное толкование.

С такими традициями нужно решительно бороться.

5. Если мы замечаем, что состояние театра, современного великому классику, не позволяло осуществить полностью его замысел и что имеющиеся в нашем распоряжении средства и приемы могут полнее выразить этот замысел, то наше уважение к классику будет заключаться именно в том, что мы применим эти наши приемы для полноты выражения авторской мысли.

Когда в 1-м акте «Сида» Корнеля два старика — отцы Химены и Родриго — ведут свой спор, кончающийся роковой пощечиной, то, по ясному указанию автора, это происходит по дороге из дворца к дому Родриго. Во французском театре времен Корнеля с его неподвижными декорациями такой путь мог быть обозначен только сугубо условно. И я уверен, что автор, представлявший эту сцену во всей реалистической полноте, был бы доволен, если бы от этой условности можно было бы отказаться.

6. Понимание образов классической драматургии — самый сложный вопрос.

Тут сплетаются как бы два задания.

Первое: установить исторически правдивые данные о герое и его внутреннем и внешнем образе, о его положении среди других действующих лиц, об оценке этого персонажа автором.

И второе: непременное возбуждение в современных зрителях тех оценок, на которые автор рассчитывал, создавая свое произведение. Это не всегда просто. В иных случаях режиссер может даже отказаться от мысли ставить пьесу, если он чувствует несогласие с основными оценками автора. Я никогда не стал бы ставить подозрительную, с точки зрения принадлежности ее к творчеству Шекспира, комедию «Укрощение строптивой», так как автор ее (убежден, что это не Шекспир) восхищается отвратительным для меня поведением Петруччо по отношению к своей молодой жене. Всякая попытка переосмыслить это поведение была бы насилием над автором, а его концепция мне глубоко антипатична.

7. Если, однако, в пьесе классика есть отдельные второстепенные элементы, случайно вводящие современного зрителя в недоумение, то никакого, по-моему, греха нет в их замене или устранении.

Виноват ли Шекспир в том, что имя его прекрасной героини звучит по-русски анекдотично: Порция! В бессмертной комедии Лопе де Вега «Валенсианская вдова» служанку главной героини зовут таким испанским именем, которое по-русски и процитировать-то невозможно. И, ставя эту пьесу, я с полного согласия культурнейшего и замечательного переводчика М. Лозинского заменил это имя на «Марта».

8. Даже такой простой, казалось бы, вопрос, как возможность купюр в классической пьесе, может решаться только творчески и с позиций определения основного замысла автора.

Для исследования этого вопроса очень полезны чтение старых суфлерских экземпляров XIX века и анализ произведенных вымарок. Эта работа порой настолько разоблачает вкусы и методику наших театральных предков, что начинаешь на них смотреть с меньшим пиететом!

9. Убеждение Инны Вишневской («Литературная газета», № 64) в том, что вся классика у нас всегда в памяти («Право же, смешны все эти списки «забытых» классических пьес, составляемые потом для нерасторопных завлитов. Ничего не забывается, прекрасное всегда в памяти»), возбудило во мне острую зависть к автору статьи, к его эрудиции и энциклопедичности. Ни я, ни известные мне лично режиссеры и вообще театральные деятели не могут похвастаться такими способностями.

Я убежден, наоборот, в том, что запасы мировой классики намного превосходят тот ее участок, на котором действует сегодня советский театр, что пытливое изучение деятелями театра новых, неиспользованных еще пластов драматургической классики — дело очень перспективное, хотя и трудоемкое.

Мне самому полтора десятка лет назад посчастливилось даже в нашей отечественной классике «открыть» всеми забытую пьесу Салтыкова-Щедрина «Тени», и этой находкой воспользовались многие театры. А кто помнил «Мастерицу варить кашу» Чернышевского до ее «открытия» в те же годы?

Что же касается классики зарубежной... Вот краткий перечень разделов мировой драматургии, которыми советский театр практически не пользуется:

1. Древнегреческие сатирические комедии.

2. Народный докомедиодельартовский театр итальянского Ренессанса. (Следует вспомнить недавние открытия Туринского театра и режиссера Де Бозио.)

3. Английский театр елизаветинского времени (кроме Шекспира).

4. Английский театр эпохи Реставрации.

5. Германская драматургия XVIII—XIX вв.

6. Испания XVIII—XIX вв.

7. Классическая драматургия Востока — Индия, Япония, Китай и т. д., и т. д.

Было бы крайне неосмотрительно утверждать, что в этих областях мирового художественного наследия нет ничего интересного для современного советского театра.

Трудность находок произведений, ценных для нас сегодня, заключается еще и в том, что знатоки отдельных разделов такой литературы не могут взять на себя решение вопроса — как, какими режиссерскими приемами и средствами можно оживить для нашей сцены тот или иной памятник мировой культуры, а реально действующие режиссеры далеко не достаточно информированы об этих «залежах» классики.

Вдобавок время меняет оценки, и то, что нашими отцами считалось за нестоящее серьезного внимания, иногда обращается уже на наших глазах в классику. И доказать это можно только практическим, творческим путем. Великий комедиограф Лабиш за последние 30 лет обрел место классика, то же происходит с Жоржем Фейдо, только мы этого еще не заметили. Нет, «прекрасное» забывается, и очень часто незаслуженно забывается. Поэтому постоянная пытливая работа по исследованию классического наследия необходима, и чем ближе к такой работе подойдут режиссеры, тем больше будет надежды на счастливые открытия.

литературный фельетон

ТЕЩА И ПЫЖИК

ПРИНЯТО думать, что на границе тучи ходят хмуро и что этот суровый край всегда объят настороженной тишиной...

На самом деле хмурой на границе была только Барбара Тодоровна, теща начальника заставы. Ну, а там, где теща, сами понимаете, тишины ждать не приходится.

Дважды приезжала Барбара Тодоровна в гости к зятю. В первый раз, чтобы увезти свою Лялю обратно в Москву («Какой ужас!—вскрикнула теща, вылезая из «газика». — Лес! Глушь! Разве тут можно жить?»), увезти, грубо нарушив святость семейных уз и душевное спокойствие человека, охраняющего госграницу. Во второй раз теща посетила заставу вместе с младшей своей дочкой — Ниной. Тут-то и разыгрались главные баталии-коллизии.

Дело в том, что тещу Барбару невзлюбил оленемок Пыжик, какового она однажды ни за что ни про что ударила и каковой, запомнив обиду, неоднократно бросался на нее в атаку и принуждал к отступлению. Вся застава довольно долго наблюдала за этими боевыми действиями, поддерживая наступательный дух Пыжика. О моральном превосходстве оленемка над мещанкой Барбарой и говорить нечего...

А в это время в сердце Нины закрадывалась любовь. Герой ее романа был красив, строен, широк в плечах и немножко суров. Еще бы — ведь он был начальником заставы... Той самой заставы? Да, той самой... Именно это обстоятельство и составляет главную конфликтную пикантерию рассказываемой истории.

Легко догадаться, что Нина была полной противоположностью мещанке Ляле. «Романтичная» Ляля, которой «доводилось выезжать на природу только в Сочи», конечно, не перенесла того, что граница — это «снег, снег и снег. А вокруг лес. Большой лес, шумный». Нина, напротив, чувствует себя на заставе, как дома, ходит с пограничниками «на задание», а при виде пограничной полосы «Нинины очи светились восхищением». Ляля — человек несамостоятельный, духовно квелый. Нина решительна, энергична. И в суждениях своих, и в поступках — очень прямо. Еще в Москве, когда мамаша выразила удивление тем, что Ляля уехала на заставу, так и не успев побывать со своим пограничником в загсе (что поделаешь: служба звала!), Нина запротестовала:

— Что вы, мама! Разве в этом главное? Запишутся потом.

— Много ты понимаешь...

— Понимаю. Не маленькая.

Мать поглядела на нее и впервые заметила, что младшая доченька, которую до сих пор она считала ребенком, и вправду выросла».

И вправду! Основываясь на том, что de jure (брак-то не оформлен) она ничего не нарушает, а de facto так им, мещанам, и надо, Нина...

— Козочка моя! — прошептал» герой, «наклонялся к ней. Нина встрепенулась, обхватила» героя «за шею и припала горячими устами к его устам... Дни земеньками, как телеграфные столбы, когда на них смотришь через окно вагона».

— Одно только знай, — сказала решительная Нина, — я тебя Лялькe не отдам».

И не отдала.

...Таковы, стало быть, «боевые будни этой славной заставы, по-новаторски изображенные белорусским литератором Вл. Корбаном в повести «Сестры» (журнал «Полымя», № 2, 1966).

Все остальное в повести отмечено, к сожалению, печатью обычной «антимещанской» схемы.

Ляля снова в Москве. Мамочка, используя вышеуказанное de jure, решает ее пристроить к стоящему человеку. Им оказывается Арон Антонович, по аттестации тещи, «ученый, писатель, деятель, холостяк. Трехкомнатная квартира со всеми удобствами на Кутузовском проспекте...» По аттестации автора: «Гладко выбритый средних лет мужчина... На голове... густая копна черных волос, которая на макушке все же просвечивала, намекая, что тут когда-нибудь разляжется лысина». Довольно скоро выясняется, что он «пять жен в год меняет», коньяк любит, и вообще гешефтмахер, интимно называющий себя — Арлекин. Прямая, честная и всезнающая Нина объясняет мамочке, что был такой «шекспировский Арлекин», «скоморох», который «выкручивался перед королем, чтоб ему деньги платили».

Короля в этой повести нет, а есть другой жулик, Натан, он-то и помог Арлекину «обкрутить» Лялю (разумеется, без захода в загс).

Так кто же будет сомневаться в том, что этому осиному гнезду жуликов приходит в повести заслуженный и юридически завершенный конец? Можно было бы усомниться в другом — в том, что в итоге Ляля «прозреет» и поедет на Урал учительствовать. Но и эта воспитательно - оптимистическая перспектива уже не раз встречалась в такого рода литературе,— так что удивляться здесь нечему.

Наконец, ошибется тот, кто подумает, что теща Барбара безнадежна. На последней странице повести и в ее душе блеснул луч света.

...Вот она рассматривает фото, полученное с заставы от Нины. «На заснеженной поляне под известной Барбаре Тодоровне елкой стоял молодой олень. На его спине, в пуховой шапочке и белой меховой шубке, сидел ребенок».

«— Пыжик! — воскликнула Барбара Тодоровна. Ноги у старой подкосились, и она плюхнулась в кресло...

— Тот самый Пыжик, что гонял тебя на заставе?

— Тот, — вздохнула Барбара Тодоровна и... снова прослезилась. — Какой он миленький!»

Таким образом, добродетель торжествует (Нина про загс, конечно, не забыла), порок не только наказан, но и исправлен; а то, что среди потерпевших оказались читатели повести, — видимо, с этим журнал «Полымя» решил примириться заранее.

Ю. СТРЕЛКОВ

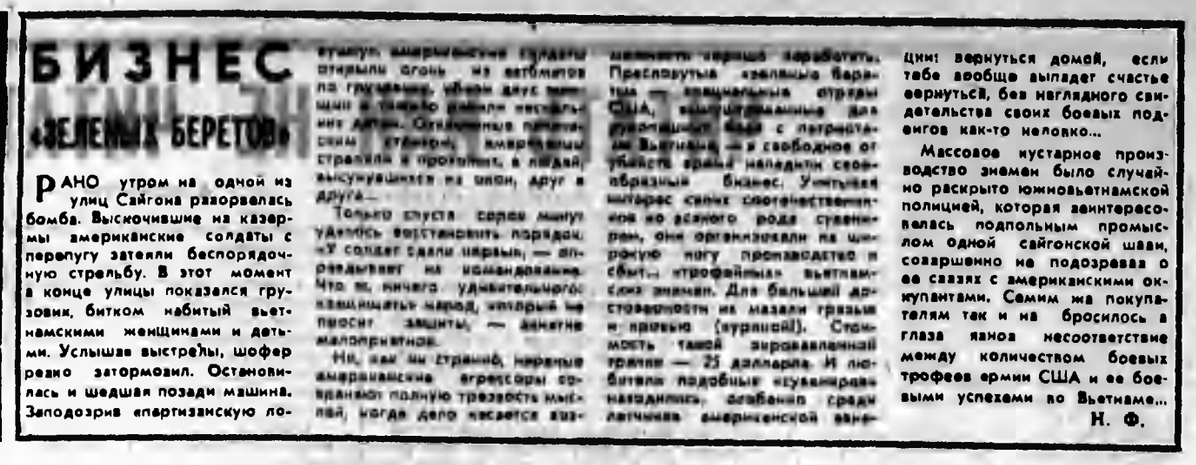
P.S. Может быть, кого-нибудь удивит, что в нашем фельетоне не обрисован достаточно полно герой-пограничник. Имя у него, правда, есть: Степан. И фамилия есть под стать окружающей заставу местности — Лесоруб. Но все остальное (характер там, психология или хотя бы поступки какие-нибудь...), — без этого автор вполне свободно обошелся. Мы только последовали его примеру...

Каждый день преступной агрессии американской авиации приносит народу Вьетнама новые страдания, новые муки. Разрушенные семьи, осиротевшие дети, матери, оплакивающие гибель своих детей, — вот дело рук интервентов...

Взгляните на эти снимки из американской газеты «Дейли ньюс». На одном из них вьетнамская мать на коленях умоляет американского солдата пощадить ее сына. Его обвиняют в сочувствии партизанам. На другом снимке — вереница жителей деревень близ Сайгона, которых обвиняют в том же: сочувствии партизанам. Ни в чем не повинных людей ведут в тюрьму, где их ожидают пытки и избиения.

БИЗНЕС «ЗЕЛЕНЫХ БЕРЕТОВ»

РАНО утром на одной из улиц Сайгона разорвалась бомба. Выскочившие на казармы американские солдаты с перепугу затеяли беспорядочную стрельбу. В этот момент в конце улицы показался грузовик, битком набитый вьетнамскими женщинами и детьми. Услышав выстрелы, шофер резко затормозил. Остановилась и шедшая позади машина. Заподозрив партизанскую ло-



ушку, американские солдаты открыли огонь из автоматов по грузовикам, убили двух женщин и тяжело ранили несколько детей. Оставленные приказом стражи, американцы стреляли в прохожих, в людей, высунувшихся из окон, друг в друга...

Только спустя серию минут удалось восстановить порядок. «У солдат сдали нервы, — оправдывает их командование. Что ж, ничего удивительного: защищать народ, который не просит защиты, — занятие малоприятное.

Но, как ни странно, нервные американские агрессоры сохраняют полную трезвость мысли, когда дело касается возможности хорошо заработать. Пресловутые «зеленые берета» — специальные отряды США, экипированные для ублюдочных игр с патриотами Вьетнама, — в свободное от убийств время наладили своеобразный бизнес. Учитывая интерес своих соотечественников ко всякого рода сувенирам, они организовали на широкую ногу производство и сбыт «трофейных» вьетнамских знамен. Для большей достоверности их мазали грязью и кровью (курицей). Стоимость такой экзотической тряпки — 25 долларов. И любители подобных «сувениров» находились, особенно среди летчиков американской авиации: вернуться домой, если тебе вообще выпадет счастье вернуться, без наглядного свидетельства своих боевых подвигов как-то неловко...

Массовое кустарное производство знамен было случайно раскрыто южновьетнамской полицией, которая заинтересовалась подпольным промыслом одной сайгонской шваи, совершенно не подозревая о ее связях с американскими оккупантами. Самим же покупателям так и не бросилось в глаза явное несоответствие между количеством боевых трофеев армии США и ее боевыми успехами во Вьетнаме...

Н. Ф.

ФРАНЦИЯ И НАТО

Н. НИКОЛАЕВ

СОВЕЩАНИЕ в Брюсселе, где заседали атлантические министры, свидетельствует о том, что Париж перестал быть столицей НАТО. Вряд ли это может огорчить французов, поскольку Париж в свете этого факта бесспорно подтвердил свое право быть столицей подлинно независимой страны.

Нынешний острейший этап кризиса НАТО начался в марте этого года, когда Франция официально заявила, что она намерена вывести свои вооруженные силы из-под атлантического командования и потребовала удалить из Франции американских военнослужащих, штабы НАТО, ликвидировать базы и склады. Это означает эвакуацию с французской территории 29 баз с 33 тысячами солдат и офицеров (вместе с членами семей во Франции 65 тысяч американцев). В своем меморандуме от 29 марта французское правительство наметило точные календарные сроки осуществления этих мероприятий. 1 июля 1966 года — вывод французских войск из-под атлантического командования и отзыв французских представителей из объединенных штабных органов. 23 июля 1966 года — уход французского персонала и учащихся из военного училища НАТО. 1 апреля 1967 года — завершение эвакуации иностранных военных баз из Франции.

Хотя Франция одновременно заявила, что она будет по-прежнему оставаться членом Атлантического союза, ее решение нанесло серьезный удар по существующей с 1949 года агрессивной военной организации.

Франко-американский спор из-за НАТО, кроме своего основного политического и военного содержания, представляет своеобразную психологическую коллизию. Две капиталистические страны, одна буржуазная форма мышления. Но при этом — различие в подходе к фактам, к их оценке. Французские дипломатические действия служат решительным отрицанием рецепта Талейрана, согласно которому дипломат — это «человек, разговаривающий на всех языках и не думающий ни на одном из них». Что касается американской политики упорного сохранения неизменности НАТО, то она зачастую образом иллюстрирует знаменитое изречение Боссюэ: «Думать, что вещи таковы, какими мы желаем их видеть, — наихудший порок ума».

В то время как в Вашингтоне продолжают мыслить замороженными категориями «холодной войны», в Париже в несравненно большей степени исходят из реального соотношения сил в мире, из анализа происходящих в нем изменений. «НАТО — анахронизм и не соответствует ядерной стратегии», — говорит генерал де Голль. Французские руководители прямо заявляют, что в природе не существует того, ради чего якобы и создан Атлантический союз, — нет советской военной угрозы для Западной Европы. А в этих условиях объективный смысл существования НАТО сводится к тому, что она служит лишь целям американской политики, политики опасной и недальновидной.

В Елисейском дворце политическую альтернативу видят в том, что надо серьезно добиваться сближения с Востоком для разрешения мировых конфликтов. Речь отнюдь не идет об отказе от основного принципа капиталистической внешней политики — от борьбы против социализма, а лишь о том, чтобы вести эту политику с учетом реального положения в мире и необходимости избежать ядерного конфликта, гибельного для всех. Французские лидеры считают, что для Франции и для других западных стран целесообразнее сохранить свободу действий и национальный суверенитет, чем полагаться на сомнительное американское руководство. В Париже прямо заявляют, что НАТО в ее нынешнем виде представляет собой опасность для национальных интересов Франции. Участие в объединенных вооруженных силах НАТО, — говорит премьер-министр Жорж Помпиду, — может вовлечь нас в войну, которая не будет нашей войной и которая вспыхнет в районе, не охватываемом Североатлантическим договором, и по причинам, чуждым интересам Франции.

ЕСТЕСТВЕННО, что для современных французских правящих кругов в понятие национальных интересов входит защита специфических интересов французского капитализма. Опираясь на свою возросшую экономическую мощь, французский крупный капитал не желает больше мириться с тем, чтобы НАТО пользовалась американскими монополиями в качестве орудия конкурентной борьбы. В этом смысле характерна позиция на рынке вооружений.

Французский генерал Галуа, который, как считают, по своим взглядам близок к генералу де Голлю, пишет, что для США НАТО «стала инструментом укрепления мощи и экономического проникновения». Используя НАТО, США навязывают ее участникам свое оружие. Продажа американского оружия увеличилась с 300 миллионов долларов в 1961 до 1,2 миллиарда в 1965 году. Таким путем американцы стремятся покрыть дефицит своего платежного баланса, вызванный огромными военными расходами за границей. Министр обороны США Макнамара заявляет: «За последние четыре года США продали своим союзникам оружия на 6 миллиардов долларов. В 1961 году военный дефицит с союзниками составлял 2,7 миллиарда долларов. В 1963 году благодаря увеличению продажи американского оружия дефицит уменьшился до 1,7 миллиарда, а в 1966 году он снизится до 1,47 миллиарда долларов». Такая тенденция вызывает недовольство промышленников в Западной Европе, и действия Франции в НАТО также связаны с этим.

В потоке ожесточенной критики по адресу де Голля, который льется сейчас из-за океана, часто мелькают утверждения, что его политика обрекает Францию на изоляцию. Но ближе к истине, по-видимому, заявления французской стороны о том, что политика де Голля в НАТО, напротив, служит наиболее последовательным выражением тенденции, характерных для всей Западной Европы. Обозреватель «Монд» Андре Фонтэн пишет: «Американские руководители находятся во власти иллюзий, если они думают, что такое состояние духа свойственно только нашей стране. Немцы, итальянцы, испанцы, скандинавы, бельгийцы, англичане, голландцы, швейцарцы, австрийцы — все европейцы после десятилетий обычных объяснений стремятся к миру и не испытывают к событиям на Дальнем Востоке и под карибским солнцем ничего, кроме интереса зрителей». Точнее было бы сказать, что это интерес обеспокоенных и все более протестующих зрителей. Политика Франции в отношении НАТО явно выходит за пределы лишь франко-американских отношений. «В конечном итоге, — говорит министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль, — речь идет об изменении отношений между Америкой и Европой».

Почему именно Франция выражает идею сопротивления Западной Европы американской гегемонии? Это, несомненно, связано с историческими особенностями развития французской буржуазии. Она сформировалась одной из первых и сильно развила свои специфические черты, ограждая их от влияния извне. После второй мировой войны Франция оказалась единственной из великих держав, влияние которой резко ослабело вследствие создания НАТО. Она особенно чувствительна к американскому засилию, ибо экономически слабее Англии и Западной Германии. Все это породило сильную антиамериканскую тенденцию. Достаточно вспомнить движение нейтрализма в начале пятидесятых годов и особенно то мужество, с которым французы в 1954 году отвергли американский план «европейской армии».

Если для Вашингтона и Бонна Европа — это прежде всего лишь западный обрубок континента, то для де Голля Европа существует такой, какой она изображена на географической карте. Хотя генерал де Голль обычно излагает свою концепцию Европы в очень общей форме, оставляющей неясными некоторые ее аспекты, она несравненно ближе к реальным потребностям европейской безопасности, чем планы, которые вынашиваются в Вашингтоне и Бонне. Французский президент добивается создания сначала независимой от США группировки западноевропейских стран, которая должна стать отправным пунктом движения к объединению всей Европы. Операция в отношении НАТО, о которой генерал сказал, что «это последняя важная битва моей жизни», и проводится ради достижения этой его конечной цели. Генерал де Голль не представляет Европы без активной роли России, как он предпочитает называть Советский Союз. В свое время он не случайно охарактеризовал полет Гагарина как великую победу европейской цивилизации.

Крупнейший американский специалист по вопросам внешней политики профессор Киссинджер утверждает, что «концепции де Голля грандиознее, чем его силы». Но это верно лишь в одном, очень ограниченном смысле. В действительности пренебрежение к фактору силы — последнее, в чем можно обвинить генерала. Напротив, вся его политика строится на трезвом учете соотношения мировых сил. Вообще де Голль привык ценить силу и ее символы. Газета «Фигаро» сообщала, что Шарль де Голль-младший, внук президента Франции, из всех своих игрушек больше всего любит полуметровую пушку, подаренную ему дедом...

Американская печать сейчас обвиняет Францию в вероломстве и даже в предательстве, изображая дело так, что французское решение оказалось для Вашингтона полной неожиданностью. Между тем с 1958 года Франция тщетно добивалась реформы НАТО. США с презрением отвергали все предложения де Голля. И вот теперь они вдруг жалуются на «внезапность» французских действий. А ведь они были вызваны не в последнем счете самим Вашингтоном. Французы же могут с чистой совестью ответить госдепартаменту знаменитой фразой: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

США развернули бешеную кампанию нажима, пытаясь заставить Францию отступить. На сессии Совета НАТО в Брюсселе эта кампания достигла апогея. По своим действиям США лишь подтверждают, насколько обоснованной является забота Франции о защите ее независимости.

Обращает на себя внимание выбор момента для французского решения. Оно совпало с резким падением политических акций Америки в Европе в связи с ее авантюрой во Вьетнаме и другими крайностями политики США. С другой стороны, происходит то, что в западной прессе называют сейчас «европейской весной». Франция идет на сближение с партнерами по «общему рынку». Намечается решение вопроса о сельскохозяйственных проблемах рынка. Прояснилась перспектива в деле присоединения к рынку Великобритании.

Во Франции не делают тайны, что политика в отношении НАТО связана с внутриполитическим положением, в частности с предстоящими парламентскими выборами. Естественно, что политика в отношении НАТО не может не импонировать французским избирателям. Политику генерала де Голля в этом вопросе поддерживает весьма широкий многопартийный фронт, включая коммунистов.

За 17 лет существования НАТО участие Франции в этой организации доставило Франции немало хлопот. Обычно это были тяготы гонки вооружений, навязанной американцами, выполнение многочисленных и весьма непопулярных требований Вашингтона и т. п. И сейчас еще появляются заботы, правда, иного характера. Например, как использовать огромное здание Совета НАТО на площади Дофин, освобождающееся в связи с изгнанием американцев. На него претендует Управление французского радио. Есть и другие претенденты. Сложный вопрос. Но, надо полагать, Франция все же решит его и на этот раз вполне самостоятельно. Так же, впрочем, как и проблемы НАТО.

Джеймс ТЭРБЕР — РАССКАЗ

ТАЙНА МАКБЕТА

Джеймс Гровер Тэрбер (1894—1961) — американский писатель-юморист и карикатурист — известен далеко за пределами своей страны. Его юмористических и сатирических рассказы, иллюстрированные им самим, переведены на многие языки. В лучших рассказах и сказках, часто с элементом фабулой, Тэрбер, на первый взгляд, добродушно посмеивается над человеческими слабостями. Но под его тонким и веселым юмором спрятаны острые иглы сатиры, направленные против существующего в буржуазном обществе порядка вещей. Не раз его внешние слушала духовная нищета американского обывателя. Этой теме посвящен и публикуемый ниже рассказ, взятый из сборника «Карнавал Тэрбера», выдержавшего много изданий за рубежом.

— ГЛУПО было так попасть впросак, — говорила американка, которую я встретил в моем отеле в озерном крае Англии, — но она лежала на прилавке вместе с другими книжками серии «Пингвин», — знаете, такие маленькие книжечки в бумажных обложках по шесть пенсов, — и я, конечно, подумала, что это тоже детектив. Все другие книжки были детективы. Я все их уже читала, поэтому и купила эту, даже не посмотрев как следует. Можете вообразить, как я разозлилась, когда обнаружила, что это Шекспир.

Я пробормотал что-то сочувственное.

— Не понимаю, почему издатели «Пингвина» выпускают пьесы Шекспира в таком же оформлении, как и детективы? — продолжала моя новая знакомая.

— Мне кажется, у них разного цвета обложки, — сказал я.

— Я не заметила этого, — ответила она. — Как бы там ни было, я ее купила. Вы представляете, я удобно располагаюсь в постели, беру в руки книгу в предвкушении прочесть интересную детективную историю и вдруг обнаруживаю, что это «Макбет» — книга для школьников! Как «Айвенго»!

— Или «Оливер Твист», — сказал я.

— Вот именно, — сказала американка. — А я мечтала о хорошей Агате Кристи или о чем-нибудь в этом духе. Вы знаете, Эркюль Пуаро — мой любимый детектив.

— Это который кроликов разводил? — спросил я.

— О, нет, — сказала специалистка по детективам. — Пуаро — бельгиец, а вы имеете в виду, наверно, мистера Пинкертона, который помогал инспектору Баллу. Он тоже ничего.

За второй чашкой чая моя соседка начала рассказывать сюжет какой-то детективной истории, в которой до самой последней страницы она не могла догадаться, кто убийца — все время казалось, что это старый доктор. Но я перебил ее.

— Скажите мне, — сказал я, — вы прочитали «Макбета»?

— Я вынуждена была прочитать его, — сказала она. — В номере не было ни клочка печатного текста, кроме этой книжки.

— Вам он понравился? — спросил я.

— Нет, не понравился, — сказала она решительно. — Прежде всего я ни на секунду не допускала, что это сделал Макбет.

— Что сделал? — спросил я.

— Я ни на секунду не допускала, что он убил короля, — сказала она. — И я не думаю, что жена Макбета была хоть как-то замешана в этом. Вы, конечно, именно их подозреваете больше всего, но они-то как раз и не виновны.

— Боюсь, — начал я, — что...

— Но разве вы не видите? — воскликнула американка. — Это бы испортило все, если бы сразу можно было догадаться, кто сделал это. Шекспир был умнее. Я читала, что до сих пор не могут разгадать «Гамлета», поэтому не похоже, чтобы Шекспир сделал «Макбета» таким простым, каким он кажется.

Я думал над этим, пока набивал трубку.

— Кто же, по-вашему, это сделал? — спросил я неожиданно.

— Макдуф, — ответила она, не задумываясь.

— Мой бог! — прошептал я.

— О, конечно, это сделал Макдуф, — сказала специалистка по убийствам. — Эркюль Пуаро легко уличил бы его.

— А как вы догадались? — спросил я ее.

— По правде сказать, — начала она, — я не сразу догадалась. Сначала я подозревала Банко. И затем, конечно, он был также убит. Это было хорошо сделано — эта часть. Лицо, которое вы подозреваете вначале, обязательно должно стать второй жертвой.

— Разве всегда так? — робко спросил я.

— Конечно, — сказала моя наставница. — Это заинтриговывает. После второго убийства я некоторое время не знала, кто убийца.

— А как насчет Малькольма и Дональбейна — сыновей короля? — спросил я. — Насколько я помню, они сбежали сразу же после первого убийства. Это выглядит подозрительно.

— Слишком подозрительно, — сказала американка. — Чрезмерно подозрительно. Когда кто-то сбегает, он никогда не бывает виновным. Вы можете в этом быть уверены.

— Я верю, — сказал я. — Я, пожалуй, закажу коньяк.

Я сделал знак официанту. Моя соседка наклонилась ко мне, глаза ее блестели, чашка в руке подрагивала.

— Вы знаете, кто нашел тело Дункана? — спросила она.

Я сказал, что очень сожалею, но не помню.

— Макдуф нашел его, — сказала она. — Затем он бегает вниз и кричит:

«О ужас! ужас!
Ни языком не высказать такое, ни сердцем не постигнуть...
Злодейство все пределы перешло
Господний храм вторгнул убийца гнусный,
И жизнь его трепещущая святыни
Кощунственно похитил».

И еще что-то в том же духе.

Дама похлопала меня по колену.

— Уверяю вас, все это было отрепетировано заранее, — сказала она убежденно. — Могли бы вы без всякой подготовки так декламировать, если бы только что нашли мертвое тело?

Она уставилась на меня, ожидая ответа.

— Я... — начал я было.

— Вы правы! — сказала она. — Вы не смогли бы! Если, конечно, не попрактиковались перед этим. «Боже мой, там, кажется, мертвое тело!» — вот что должен был бы сказать невинный человек.

Она откинулась на стуле с удовлетворением.

Я думал некоторое время.

— Но это вы скажете о таинственном Третьем убийце? — спросил я. — Вы ведь знаете, над этой загадкой шекспироведы ломают головы уже триста лет.

— Это потому, что они не подумали о Макдуфе, — сказала американка. — Это был Макдуф, я уверена. Не могут убийцами быть обыкновенные бродяги. Убийцей всегда должен быть кто-то важный.

— Но как тогда понимать сцену пира? — спросил я, робея. — Как вы рассматриваете действия Макбета и его признание вины, когда появляется призрак Банко и садится на его место?

Женщина наклонилась вперед и снова шлепнула по мне колену.

— Там не было никакого призрака, — сказала она. — Большому, сильному человеку, как Макбет, не могут чудиться призраки, тем более в освещенном зале в присутствии множества гостей. Макбет покрывал кого-то!

— Кого же он покрывал? — спросил я.

— Миссис Макбет, конечно, — сказала она. — Он думал, что она сделала это, и он готов был взять вину на себя. Муж всегда так делает, когда подозревают его жену.

— Но как понимать тогда, — спросил я, — сцену с бровями леди Макбет?

— Здесь то же самое, только наоборот, — сказала мне соседка. — На этот раз она покрывала его. Она вовсе не спала. Вы помните это место, где сказано: «Входит леди Макбет со свечой»?

— Да, — сказал я.

— Прекрасно! Люди, которые бродят во сне, никогда не берут с собою свет! — сказала американка. — Они видят внутренним зрением. Вы слышали когда-нибудь о лунатиках, разгуливающих с фонарем?

— Нет, — признался я, — никогда не слышал.

— Значит, она не спала. Она нарочно говорила так, чтобы подумали, будто она виновна, чтобы покрыть Макбета.

— Я, пожалуй, закажу еще коньяку, — сказал я и позвал официанта.

Когда принесли коньяк, я быстро выпил его и встал.

— Надеюсь, — сказал я, — вы напали на правильный след. Не могли бы вы мне одолжить этот «Макбет»? Я хотел бы просмотреть его сегодня вечером.

— Я дам вам его, — сказала она. — И вы убедитесь, что я права.

Вечером я очень внимательно прочитал пьесу и на следующее утро за завтраком снова уговорил американку. Она была в зеленом платье. Я подошел к ней сзади и взял ее за руку. От неожиданности она вскрикнула.

— Могу я переговорить с вами наедине? — спросил я тихо.

Она кивнула утвердительно, и мы прошли в дальний угол столовой.

— Вы что-то нашли? — выдохнула она, как только мы уселись за пустой столик.

— Я нашел, — сказал я торжествующе, — настоящего убийцу!

— Вы хотите сказать, что это не Макдуф? — сказала она.

— Макдуф так же не виновен, — сказал я, — как Макбет и его жена.

Я открыл книгу, которую принес с собой, и нашел акт II, сцену 2.

— Здесь, — сказал я, — вы видите, леди Макбет говорит:

«Я положила кинжалы подле слуг. Макбет их должен найти.
Не будь Дункан во сне так схож с моим отцом, я все б сама свершила».

Вы теперь понимаете?

— Нет, — сказала американка тупо, — не понимаю.

— Но это же просто! — воскликнул я. — Я удивляюсь, как я не видел этого раньше. Знаете, почему Дункан во сне был похож на отца леди Макбет? Потому что это и был ее отец!

— Мой бог! — сказала американка тихо.

— Отец леди Макбет убил короля, — сказал я, — но услышав, что кто-то идет, спрятал тело под кровать, а сам улегся на его место.

— Но, — сказала женщина, — не может же быть убийцей лицо, которое всего один раз появляется в книге.

— Я знаю это, — сказал я и нашел акт II, сцену 4. — Здесь сказано: «Входят Росс и Старик». Так вот, этот старик никогда не называется по имени, и я убежден, что это был отец миссис Макбет, который мечтал видеть свою дочь королевой. Вот вам мотив.

— Но даже в этом случае, — воскликнула американка, — он все еще второстепенный персонаж!

— Нет, — сказал я ликующе. — И вы с этим согласитесь, когда поймете, что он был одной из вещих сестер!

— Вы имеете в виду одну из трех ведьм?

— Совершенно верно, — сказал я. — Послушайте, что говорит старик:

«В минувший вторник был гордый сокол пойман
И растерзан охотницею на мышей совой».

Кого напоминают вам эти слова?

— Они, пожалуй, напоминают трех ведьм, их манеру разговаривать, — сказала моя собеседница неохотно.

— Совершенно верно, — сказал я снова.

— Ну, хорошо, — сказала американка, — может быть, вы правы, но...

— Я уверен, что я прав, — сказал я. — Вы знаете, что я собираюсь сделать теперь?

— Нет, — ответила она. — Что?

— Купить «Гамлета», — сказал я, — и разгадать его!

Глаза моей собеседницы заблестели.

— Не думаете же вы, — сказала она, — что Гамлет убил своего отца?

— Я уверен, — сказал я, — что это сделал не он.

— Но кого же тогда вы подозреваете? — спросила она, заинтригованная.

— Всех, — сказал я и удалился так же бесшумно, как и вошел.

Перевод с английского А. ГАВРИЛОВ

Рисунок Ю. Черепанова

Интервью о книгах

На вопросы «ЛГ» отвечает писатель Лев КАССИЛЬ:

ГДР
Вальтер РАДЕЦ
«ОН БЫЛ СИЛЬНЕЕ»
Документальная повесть

БЕССТРАШНАЯ СИЛА

— Вы назвали одной из книг, прочитанных за последнее время и заслуживших надолго ваши внимание, повесть Вальтера Радеца «Он был сильнее», изданную «Молодой гвардией». Выяснилось, что это лишь тем, что герои книги — спортсмены, а вы как известно, очень любите спорт и сами много писали о нем.

— Да, на скрою, я заинтересовался книгой Вальтера Радеца сначала потому, что героем его документальной повести является выдающийся спортсмен Вернер Зеелепбиндер, имя которого было хорошо известно любителям спорта, как имя многократного чемпиона Германии по борьбе. Меня сразу привлекло полное пленительного обаяния и доброй силы прекрасное лицо Вернера, чей портрет напечатан на фронтисписе книги. И сперва я взялся читать эту книгу больше как болельщик... Но книга захватила меня не столько описаниями чисто спортивных эпизодов из жизни Вернера Зеелепбиндера, сколько широко и точно написанной картиной жизни Германии, начиная с последних лет первой мировой войны и кончая днями, близкими к развязке затеянной фашистами войны 1939—1945 гг.

Вообще я не признаю деления художественной литературы на разряды, определяемые темами и жизненным материалом, избранными писателями. В настоящей литературе не может быть распределения на литературу «производственную», «спортивную», «колхозную» и т. д... Книга, построенная на материале спортивной жизни, не может рассчитывать ни на какие якобы оправдываемые спецификой скидки, если она всерьез стремится через избранную благородную тему раскрыть что-то большое, важное и нужное для человека и видит в своем читателе не только любителя спорта, но прежде всего подлинного ценителя прекрасного в жизни и в литературе. Книга Вальтера Радеца — это волнующая повесть об одном из героев немецкого народа, антифашисте-подпольщике, погибшем за свободу и честь подлинной Германии. Так называемая спортивная карьера Вернера Зеелепбиндера — это лишь одно из великолепных проявлений полноценно одаренной от природы, окрыленной могучей идеей и выкованной в труднейших условиях борьбы человеческой натуры. Так раскрывается образ подлинного героя, именем которого названы ныне Дворец спорта в Берлине, многие спортивные залы и стадионы в ГДР.

— Но все же какого рода события спортивной жизни Вернера и известные, посвященные в нем спортом, сыграли свою роль?

— Несомненно. И книга Вальтера Радеца тем и хороша, тем и привлекательна, что она с достаточной художественной выразительностью повествует, как собранная сила, решительность и мужество спортсмена, проявляемые на ковре, постепенно становятся чертами большого человеческого характера. И вот это в сочетании со всем, что дает историческая обстановка, очень точно и широко данная автором, и с тем, что обогатило душу, сознание, сердце Вернера в процессе опасивейшей, непреклонной борьбы с фашизмом, превратило молодого спортсмена, чемпиона-борца в борца с большой буквы, в бесстрашного подпольщика, несокрушимого, всем существом своим преданного высоким свободолюбивым идеям, героя немецкого народа.

— Автор повести «Он был сильнее» в своем послесловии подчеркивает, что книга его строго документальна и все персонажи в ней со всеми именами и фамилиями существовали. Не стоит ли из-за этого, по-вашему, некоторых возможностей автора?

— Известный оттенок такой ограниченности кое-где чувствуется в повести Радеца. Иногда автор чрезмерно скуп и уж слишком пунктуально точен в обрисовке некоторых персонажей или отдельных сцен, в частности в эпизодах на спортивном ковре, где порой ход схватки передается с излишней протокольной, репортерской сжатостью, без попыток заглянуть, скажем, в душу противника Вернера. Но в повествовании о жизни самого Вернера Зеелепбиндера, начиная с юных лет, в сильно и четко написанных картинах бесстрашной деятельности Вернера-подпольщика, в трагических сценах тюремной жизни героя и предсмертных его часов Вальтер Радец добился большой художественной выразительности. И то, что мы вспоминаем в строгой документальности повествования, здесь лишь усиливает впечатление от книги, которая рассказала о замечательном человеке, бывшем во всех отношениях сильнее тех, с кем он боролся всю жизнь...

Вальтер Радец. «Он был сильнее». Перевод с немецкого Л. Лежневой. Издательство «Молодая гвардия».

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ»

Каждую неделю в книжных магазинах и газетных киосках Италии появляется небольшая книжка, где на цветной обложке стоит это заглавие.

Брошюры — всего их будет 78 — выпускаются издательством «Компания эдиционе интернационали» стотысячным тиражом по материалам издательства Агентство печати «Новости».

Каждый выпуск делится на три части: исторический обзор, документальный материал и отрывки из мемуаров советских военачальников, дипломатов, очерки советских военных корреспондентов и писателей. Иллюстрациями служат фотографии военных лет, плакаты и карты.

Подобная публикация — первая на Западе, и она вызвала живой интерес итальянских читателей.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазета). Телефоны секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-09-83, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-03, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067 Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б—03989

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Н. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).